

Главный калибр

Катер Паркера шёл как по ниточке, но причальная команда флагмана всё равно не сводила с него глаз - мало ли что. Разошлись створки гостевого шлюза, выпустив в пространство крохотное облачко неоткачанного воздуха. Шлюз осветился изнутри, и Паркер буркнул: «Ничего себе...» В таком ангаре можно было разместить штук десять катеров. «Независимый» вообще производил впечатление. На подлёте Паркеру казалось, что приборы врут, показывая расстояние - флагман словно не приближался, а только рос и рос в размерах. Со стороны он выглядел массивным, но отнюдь не перекормленным - уж коренной-то африканец знает, чем отличается носорог от жирного бегемота, так Паркер и сказал Венёву. Носорог при всей своей кажущейся массивности и неторопливости может быть стремительным; желающие проверить это очень быстро расстанутся с иллюзиями.

- Вы не возражаете, доктор, если мы немного подправим курс? - Раздалось в наушниках. - Пять градусов право, два градуса вниз с Вашей стороны. Конечно, мы примем вас и так, но если поправить, будет совсем хорошо.

Стыковочная автоматика, рассчитывая безопасное сближение, обычно направляла корабль в геометрический центр шлюза. Паркер ухмыльнулся, когда представил, как глупо будет выглядеть крохотный катер в центре посадочной платформы, и согласился с тем, что можно подвинуться в сторону - ещё для кого-нибудь место останется.

- Валяйте.

- Спасибо, доктор. Поправка внесена, - Катер, повинувшись управляющим командам флагмана, чуть повёл носом. - Расстояние ноль-ноль-четыре, время сближения тридцать секунд. - Паркер услышал, как где-то там щёлкнула пара переключателей. - «Независимый» - «Валькириям» «два-три» и «два-четыре»: катер «Сонни» бортовой эс-один-один-семь принимаю во второй шлюз, спасибо за эскорт.

- «Валькирия» «два-три» «Независимому». - Отозвался хрипловатый насмешливый голос, уже знакомый Паркеру. - Доставили гостя в целостности и сохранности, берегите его там. Мягкой посадки, доктор. А вы шалун, оказывается! «Два-три» - «два-четвёртому»: строй - правый уступ, расстояние ноль-ноль-ноль-две...

На экране кормового обзора Паркер увидел, как «Валькирии», до этого неподвижно зависшие на границе шлюзовой зоны, сорвались с места, синхронно развернувшись, и пропали из виду, сливаясь в одну точку на радаре.

- За что это он назвал тебя шалуном, Парки? - Венёв с любопытством повернул к Паркеру забрало шлема.

- А кто его знает. - Паркер пожал плечами под скафандром. На самом деле, конечно, было за что. После отстыковки от танкера, подбросившего их до места дислокации эскадры, «Валькирии» вышли навстречу, как и было оговорено. Разошлись по бортам и словно прилипли на неправдоподобно малом расстоянии. Паркер в глубине души считал себя неплохим пилотом и даже держал собственную яхту в лунном доке, хоть это и обходилось это удовольствие весьма недёшево. Когда выдавался отпуск, он с удовольствием проводил на борту неделю-другую. Сближение с «Валькириями» беспокоило его и противоречило практике гражданского судовождения. «Господа, мы не поцарапаем друг другу борта?» - «Всё в порядке, мистер Паркер. Сейчас мы стоим гораздо шире, чем обычно. Будьте любезны, возьмите сорок два градуса влево и двенадцать вверх - с вашей стороны...» Венёв смотрел вопросительно, и Паркер кивал головой в ответ, но чувствовал себя неудобно. Флотское пижонство мешало расслабиться, и тогда он начал потихоньку играть с направлением и скоростью, чтобы дать понять сопровождающим, как опасно прижиматься вплотную. Но «Валькирии» шли как приклеенные, точно повторяя все его движения. Даже, казалось, предугадывали следующий манёвр, и насмешливый голос в наушниках, ничем не выказывая неудовольствия, по-прежнему вежливо диктовал поправки по курсу и скорости. Попытки сбить с толку флотских не удалась, и расстроенный Паркер вскоре бросил это занятие. Если бы он дал себе труд увеличить картинку на экране бокового обзора, он бы, конечно, заметил кое-что интересное. Например, ряд тёмных пятнышек на броне «Валькирии» с бортовым номером двадцать три, которая намертво прилипла справа. При ближайшем рассмотрении пятнышки оказывались девятиконечными звёздами, вплавленными в бронеплиту под самым кокпитом. Никакая краска не выдерживала температур, которые иногда приходились на броню, и техника приходилось вручную вплавлять звёзды из молибденового сплава, несмотря на официальный запрет. На броне было одиннадцать острых звёздочек. На другой «Валькирии» их было только шесть - хотя вряд ли уместно говорить «только», если знать, как они достаются.

Эскорт провёл катер, словно на обзорной экскурсии - гости увидели почти всю эскадру, заходя на неё сзади сверху. Паркеру было невдомёк, что курс был проложен так, чтобы катер всё время находился в зоне досягаемости орудий кораблей поддержки: гости гостями, а правила - правилами. Не знал он и о том, что катер был тщательно просканирован кораблями охранения, несущими боевое дежурство. Заметить их было невозможно - во всяком случае, средствами катера. Наглухо заэкранированные сгустки темноты соблюдали радиомолчание.

Шлюз приблизился. Теперь он казался ещё просторнее, стала видна разметка на посадочных плитах. Катер легонько повело вправо, развернуло кормой вперёд и плавно опустило на платформу. Створки сомкнулись, отсекая шлюз от тьмы за бортом.

- Пожалуйста, оставайтесь на местах до тех пор, пока не сравняется давление. В данный момент давление ноль три атмосферы, идёт проверка возможных утечек. Тяготение через двадцать секунд.

- Уже? - Венёв огляделся, посмотрел на Паркера. - Мы уже стоим, да?

Паркер старался не подавать вида, что мягкость швартовки удивила и его. Когда стыковались с танкером, подбросившим их до этого участка Пояса, трянуло будь здоров. Но эти флотские своё дело знали. Впрочем, чему удивляться - им наверняка приходилось заниматься этим по несколько раз на дню, решил Паркер. Катер

слегка дрогнул - присоединился стыковочный рукав. Стали слышны звуки: воздух понемногу заполнял шлюзовую камеру и рукав, рукав - чуть быстрее. В принципе, можно было обойтись и без рукава - до створок внутреннего люка было каких-нибудь пятьдесят метров, можно было добраться и пешком.

Когда-то давно, когда шлюзовались без рукавов... Хотя, если разобраться, не так уж давно - каких-то восемь среднесолнечных лет назад - корабль поддержки «Нельсон» во время боя принял в шлюз искалеченный истребитель. Причальная команда кинулась спасать экипаж: пилот искалеченными руками зажимал пробитый скафандр стрелка, из которого вместе с воздухом уходила кровь и жизнь. Кокпит был весь забрызган изнутри красным. В этот момент в «Нельсон» попали, и попали как следует: защитное поле в зоне шлюзов не успело выйти на полную мощность, заряд по идиотской случайности пришёлся прямо в стык основных створок, а дублирующие закрыться не успели. Разгерметизация шлюзового отсека выбросила в открытый космос причальную команду, сорвала с платформы истребитель. Уцелели двое - стрелок истребителя, чей скафандр так и не выпустил из мёртвых рук пилот, и паренёк из причальной команды, который приложился шлемом о стойку шасси «Валькирии» и зацепился за неё, чудом не повредив скафандр.

С тех пор все флотские шлюзы были оборудованы стыковочными рукавами, и причаливание проводится с двойной страховкой, когда давление в рукаве немного превышает давление в камере. Причальная команда может разгуливать по шлюзу только в исключительных случаях, заранее пристегнувшись страховочными концами к леерам.

- Пожалуйста, выключите основные системы корабля и переведите двигатель в режим холостого хода, но не глушите. Стыковка завершена, давление в норме. Добро пожаловать на борт «Независимого», джентльмены.

Паркер почувствовал, как постепенно обретает вес - словно лежишь в ванне, из которой уходит вода. Ощущение было привычным, но Паркер всегда расставался с невесомостью с некоторым сожалением - с одной стороны, начинаешь чувствовать собственный организм, с другой - лишаешься удивительного чувства лёгкости, которое бывает только в космосе да ещё во сне, пожалуй... Он пощёлкал выключателями, производя требуемые операции. Тихонько зажужжали механизмы, открывающие люк катера. Паркер помог Венёву отстегнуться от кресла, поднялся сам, в очередной раз стукнувшись шлемом о невысокий потолок - катер не предназначен для пеших прогулок, а рост Паркера был притчей во языцех.

В стыковочном рукаве их ждал офицер в сером флотском скафандре - насколько Паркер мог судить по эмблемам, лейтенант.

- Рад приветствовать вас на борту «Независимого», джентльмены. Сюда, прошу вас.

Надо сказать, что в скафандре под тяготением Паркер двигался не очень проворно - не говоря уж о Венёве, который и летал-то лишь тогда, когда в этом была крайняя необходимость, вот как сейчас. Едва они прошли шлюзовую зону, на них налетела причальная команда, помогая снять скафандры. Разделся и провожатый - молодой смуглый лейтенант с невозмутимым лицом.

Паркер огляделся. Вокруг было светло и чисто; запах казармы, который, как он думал, будет ждать его на борту, отсутствовал, зато свежо пахло озоном. Венёв пригладил всклокоченные седины вокруг лысины, по-стариковски суетливо оглядываясь. Скафандры быстро развесили на штативах, техник с чемоданчиком тут же занялся их осмотром. Флотские занимались своими делами. Паркеру сначала показалось, что вся команда на одно лицо. Потом он понял, что люди только одеты одинаково, а вот лица как раз у всех разные. На гражданских смотрели с любопытством, словно ожидая чего-то. Лейтенант остановился поодаль, тоже поглядывая на гостей. Повисла неловкая тишина.

- Хм... - Венёв смущённо прокашлялся, потёр руки. - Скажите пожалуйста, молодые люди... Кому мы обязаны столь мягким приземлением? Хотелось бы... э-э-э... выразить признательность...

Паркера поморщился, услышав термин «приземление» - никакая здесь не Земля, но что с Венёва взять... Лейтенант чуть улыбнулся, кивнул:

- Конечно. Ирвин, подмени его на минутку.

Паркер не успел разглядеть, к кому он обращается - флотский юркнул в люк, едва створка приоткрылась. Через несколько секунд оттуда показался худощавый темноволосый парень, подошёл ближе, едва заметно поклонился. На воротнике у него были какие-то знаки отличия, но Паркер не знал, что они означают.

- Дежурный оператор стыковки Токугава. Надеюсь, касание не доставило вам неудобств?

- Мы его и не заметили! - Венёв благодарно потряс его руку. - Потому что оно было лёгким, как... как пушинка. Верно, Паркер?

Паркер подошёл ближе, протянул руку оператору. Ладонь у флотского оказалась тонкой, с длинными пальцами.

- Благодарю.

- Не за что, доктор Паркер.

- Ну, я не совсем доктор... - Паркер пожал плечами. - В том смысле, что я не врач. Это просто степень, вообще-то я ксеноархеолог.

- О-о-о... - Парень блеснул глазами, улыбнулся. - Надеюсь, вы к нам не просто так, да?

- Я тоже надеюсь, но пока это только надежды.

Лейтенант взглянул на манжет, где поплёскивал коммуникатор.

- Мартин, Грове - катер осмотреть, состояние доложить через десять минут. - Он обернулся к гостям. - Прошу вас.

Гостей повели просторными коридорами. Внутри флагман казался даже больше, чем снаружи. По дороге к лифтам Паркер спросил лейтенанта:

- Скажите, а разве прибывающих сажают не автомат?

- Только не на флагмане, мистер Паркер. Капитан считает (Паркер явственно услышал, что слово «капитан» было произнесено с большой буквы), что везде, где только возможно, автоматика страхует человека, а не наоборот. Вам что-то не понравилось?

- Да нет, посадка была выше всяких похвал...

- Касание всегда мягче, когда сажает человек. Токугава, скажу я вам, чувствует любой корабль в шлюзе так, словно держит его на вытянутой руке... Сюда, пожалуйста.

Лифт распахнул двери. Кроме Венёва, Паркера и лейтенанта, в кабину вошли ещё двое флотских в тёмно-синих комбинезонах. Один что-то показывал другому на планшете. Тот, к кому обращались, флегматично пожимал плечами. Вышли они на третьей палубе, гости отправились дальше.

Возле лифта их встретил высокий худой офицер. Впрочем, Паркеру все на корабле поначалу казались худыми - только теперь он начал думать, что и ему не мешает сбросить несколько килограммов.

- Меня зовут Чак, я старший помощник капитана «Независимого». Капитан просит вас составить ему компанию за обедом. Он будет в кают-компании через пять минут.

- Но нам бы не хотелось терять время...

- Он будет через пять минут. - Офицер вроде бы даже удивился, что его не поняли с первого раза. - Прошу.

Лейтенант козырнул и вернулся в лифт, а офицер повёл гостей дальше. Свернули во вторую слева дверь, прошли в помещение, которое оказалось кают-компанией. Ряды столов пустовали, только флотский в поварском колпаке накрывал на троих.

- Располагайтесь, прошу вас. Капитан сейчас будет. Он распорядился перенести свой обед позже, чтобы иметь возможность угостить вас. - Офицер произнёс это спокойно, но Паркеру начало казаться, что его обвиняют во всех немыслимых грехах. Он уже собирался ответить какой-то подковыркой, когда офицер повернулся и вытянулся:

- Капитан в кают-компании!

- Вольно. - Вошедший седой офицер сказал это негромко, подошёл ближе, протянул руку. - Рад видеть вас, джентльмены. Надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной обед? У нас обычно неплохая кухня - когда удаётся убедить кока, что есть на свете блюда, которые не стоит поливать соевым соусом...

Флотский в колпаке поднял к потолку раскосые глаза:

- Сэр, если бы мне хоть раз удалось дать команде отведать настоящей кухни...

- То наш доктор, который изнывает от безделья, сказал бы тебе спасибо, - посмеивался капитан, усаживаясь. - Я ещё помню тот соус. Больше всего на свете я боялся, что кто-нибудь случайно прольёт каплю, «Независимый» прожгло бы насквозь до самых трюмов... Что же вы, джентльмены?

Паркер бросил взгляд на часы. Венёв дёргал его за рукав, подмигивал, и Паркер нехотя опустился на стул.

- Видите ли, нам бы хотелось поговорить о чрезвычайно важном деле, а у нас очень мало времени. Если быть точным - около двенадцать часов.

- Если быть точным, - капитан бросил взгляд на свой коммуникатор, - четырнадцать часов и двадцать с небольшим минут, если мы говорим об одном и том же. Точнее скажут навигаторы.

- Так вы знаете?

- Смотря что. - Капитан пожал плечами. - Расположение небесных тел не есть постоянная величина, навигаторы докладывают мне обо всём, что может повлиять на кораблевождение. Но я надеялся услышать от вас подробности и полагал, что лучше это сделать в непринуждённой обстановке - так, может быть, не будем терять времени? Адмиралтейство распорядилось оказать вам всю возможную помощь, и можете не сомневаться - вы её получите.

Паркеру оставалось только пожать плечами. «Война - войной, обед по расписанию» - военные, видимо, та ещё бюрократия, будь она неладна... Нехотя он придвинулся ближе к столу.

- Полагаю, коллега Венёв начнёт - в конце концов, это его станция.

- Охотно. - Венёв оторвался от салата, положил вилку. - Вы ведь знаете, где мы сейчас работаем?

- Разумеется. - Кивнул капитан. - Двадцать-двадцать семь а-дэ, если я не ошибаюсь?

- Совершенно верно. Мы начали там работы два месяца назад. Ничего необычного, знаете ли. У нас он давно стоял в планах, просто были задержки с доставкой оборудования с предыдущей станции. Потом всё вошло в рабочую, так сказать, колею, в смысле - в скважину. Мы берём глубокие пробы, и пытаемся с помощью анализа материалов обосновать одну гипотезу о никелистых...

- Я читал вашу книгу. - Кивнул седой головой капитан. - Не могу сказать, что полностью согласен с выводами, но есть любопытные моменты.

- В самом деле? - Венёв расцвёл на глазах. - А что, позвольте спросить, вызвало несогласие? Обычно оппоненты упоминают...

Капитан поднял руки.

- Прошу прощения. Я ведь просто сказал, что я её читал - но это не означает, что я всё в ней понял. Военные, знаете ли, вообще не очень быстро соображают...

- Ну почему же, - засмутился Венёв. - Я думаю, что если бы мы с вами имели возможность подробно поговорить на эту тему, мы сумели бы прояснить очень многое.

- Охотно верю. - Кивнул капитан. - Но подробный разговор занял бы много времени, а у нас есть только четырнадцать часов. И мистер Паркер на нас косится. Вот позже, если не возражаете...

- Ну да. - Венёв сконфузился. - Конечно. Так вот, мы начали работы, углубились метров на триста, пошла очень любопытная порода... Настолько любопытная, что мы обратились к коллеге Паркеру... Пожалуй, он расскажет лучше, у меня вообще, знаете ли, беда с устной речью - я и защищался-то довольно забавно... Прошу прощения, об этом, видимо, лучше в другой раз. Коллега, расскажите, пожалуйста.

Капитан поднял глаза на Паркера. Тот пожал плечами.

- Да, прямо скажем - нехарактерный пошёл материал для М-астероида. Мы многое о них знаем, но такого не встречалось почти никогда - за исключением экспедиции Джейкобса. Правда, Джейкобс не доставил почти никаких образцов, только описания, к тому же это было так давно, что результаты выглядят сомнительно - что они могли знать в то время?

- Так что там было? - Паркер заметил в глазах капитана живые огоньки. - Если можно - в общих чертах?
- Да как вам сказать, - Паркер помедлил. - Если в общих чертах - то элементы знакомые, и соединения почти все знакомые... Почти...

Капитан слушал его и думал, как странно получается - за всё время поисков братьев по разуму не было получено ни одного веского доказательства существования этого самого разума. Люди прочесали Землю, облазили доступные области других планет, но кроме легенд и слухов не получили ничего, что можно было бы потрогать руками и сказать: вот оно, неопровержимое доказательство того, что мы не одни. Легенд и слухов хватало за глаза, а вот доказательств... То ли искали не то, то ли копали не там. У капитана было сложное отношение к поискам внеземного разума. Когда-то в юности он, естественно, мечтал, что именно в его вахту из пустоты возникнет прямо по курсу чужой корабль. Огромный и сверкающий, передвигающийся в пространстве на неведомых принципах. Или тёмный, загадочный, возникнет ниоткуда и исчезнет в никуда, оставив о себе только воспоминания и запись с бортовой оптики. Или хотя бы мёртвый, как летучий голландец, продырявленный метеоритами за тысячи лет скитаний, но от этого не менее величественный. И тогда он, зелёный лейтенант, станет первым, кто оповестит человечество о том, что одиночество кончилось... Но вахты шли, часы отсчитывали положенное время, и вместе с уходящим временем таяла надежда. Космос, видимо, оказался слишком велик, чтобы на коротком протяжении человеческой истории в нём смогли встретиться цивилизации.

Паркер, стало быть, являлся представителем науки, которая базировалась на отсутствующих знаниях. Ксеноархеология возникла с того момента, как человек впервые ступил на поверхность другой планеты. Но всякий раз, когда возникали предположения о возможных следах иных цивилизаций, ксеноархеологи авторитетно и разочарованно заявляли: увы, и в этот раз нет, но надежды терять не стоит. Паркер понимал уязвимость этой позиции. В глубине души он сам искренне верил, что иная жизнь существует совсем рядом, просто человечество пытается нащупать её слишком привычными средствами. А тыкая в океан палкой, не изучишь ни планктон, ни кита - один слишком мал, другой слишком велик... Он уклончиво сказал:

- В общем, есть над чем поломать голову, хотя определённо ничего сказать нельзя. За исключением того, что бур остановился.

- То есть?

- То есть - остановился. Нет, механизмы работали исправно, бур вращался, но с какого-то момента перестал углубляться. За сутки мы не сумели продвинуться больше чем на двести миллиметров! Увеличение нагрузки ничего не дало - мы подняли до максимума, ещё немного - и вырвали бы растяжки буровой...

- А лучевым буром вы принципиально не пользуетесь?

- Видите ли, - вмешавшись, развёл руками Венёв, - луч даст нам пар, или, в лучшем случае, перемешанный расплав. Конечно, с расплавом тоже можно работать, но нам-то нужны слои, именно в этом весь смысл. Можно догадаться, из чего сварена каша, но вот в каком порядке и в какое время клались ингредиенты - и есть тайна рецепта, не так ли? Основываясь на одной теории...

- Лучевой у нас, конечно, есть. - Паркер счёл нужным перебить, иначе бы повествование Венёва растянулось на годы. - Используется на строительстве. Когда встал механический, мы посоветовались и решили попробовать - терять уже было нечего. Коллега Венёв был против, как чувствовал. Кстати, буровая головка от механического, когда мы её достали, выглядела так, словно вчера со станка сошла. Если не считать того, что развалилась сразу же - видимо, мы её хорошенько нагрузили... Хотя не знаю, можно ли так нагрузить дайнит, чтоб он в пыль рассыпался... В общем, мы поставили лучевой и дали пробный импульс. Видимо, где-то ошиблись в расчётах, потому что генераторы вырубил сразу же.

- Подождите-ка. - Капитан откинулся на спинку стула. - В каком смысле - вырубил генераторы?

- Н-ну, - Паркер помялся. - Просто вырубил. Снаружи они выглядят исправными. Я не специалист... но энергии на станции сейчас нет. Батарейное питание. Вроде бы должно хватить на двое суток.

Подали десерт. Капитан поднял глаза; подошедший флотский склонился к нему. Капитан показал глазами на поднос с сырами и что-то спросил. Флотский замаялся и принялся шептать что-то капитану на ухо, время от времени пожимая плечами.

- Ах вот как... Ну, кто-то у меня хвоста лишится, - непонятно пробормотал капитан. - Ладно. Скажи Володину... Хотя нет, не надо. Я сам этим займусь. Так вот, джентльмены. Насколько мне известно, стационарные генераторы... у вас ведь типовые, на мягком охлаждении, верно? - Венёв и Паркер синхронно кивнули. - Генераторы - во всяком случае те, о которых я знаю, теоретически могут выйти из строя... ну, скажем, если рядом зажжётся сверхновая, чего в вашем районе не наблюдалось. Можно уточнить у энергетиков... Кстати, а что ваши говорят по этому поводу?

- Ничего не говорят. - Паркер поморщился. - Бегают с сумасшедшими глазами и кричат, что такого быть не может. Как бы там ни было - энергии нет. И тут ещё пошёл этот астероид...

- Ну, о том астероиде, - капитан поднялся, - мы поговорим отдельно.

Откуда-то - Паркеру показалось, что прямо из воздуха - возник офицер, который сопровождал их сюда.

- Чак, - негромко обратился к нему капитан. - Попроси, пожалуйста, Вонга быть в большой навигационной через десять минут и проводи туда гостей. Джентльмены, я вас оставлю ненадолго...

Володин возился возле терминала, время от времени бросая взгляд на противоположную стену - там на мониторе бежали кривые, иногда пересекаясь, иногда выдавая причудливые всплески. Рядом сидел Джок. Говорил в основном он, Володин только хмыкал время от времени.

- ...перегрузка была такая, что я хвост еле тащил! Переборки трещали, вот какая была перегрузка. И тогда я сказал ребятам...

Джок первым заметил открывающуюся створку и начал потихоньку отодвигаться в сторонку, почуяв неладное.

Володин оглянулся, повесил терминал в режим ожидания и вытянулся перед остановившимся на пороге

капитаном.

- Вольно. - Сказал капитан, не глядя на него, нагнулся, расстегнул застёжку и теперь стоял, задумчиво подбрасывая в руке только что снятый ботинок.

- ...в общем, я ребятам сказал... - Джок сделал пару коротеньких шажков, безошибочно уловил момент, когда капитан размахнулся, и метнулся в дальний угол отсека, едва успев юркнуть между труб в вентиляционную шахту. Ботинок в полёте не кувырчался, что свидетельствовало о правильно заданной траектории. Он просвистел совсем рядом с едва успевшим увернуться Джоком, стукнулся каблуком о край решётки и отскочил куда-то под трубу.

Капитан прохромал мимо стоявшего навтыжку Володина, нагнулся, пошарил под трубой и достал ботинок. Критически осмотрел его, следов пыли не обнаружил, удовлетворённо хмыкнул и обулся. Володин с тщательно скрываемым интересом следил за развитием событий.

- Старший лейтенант.

- Я. - Володин был весь внимание.

- Свои отсеки вы содержите в порядке, и это хорошо. - Капитан остановился рядом, бегло глянув на терминал. - А вот камбуз запустили, и это плохо. Четвёртый рефрижератор негерметичен, а я узнаю об этом случайно.

- Виноват. - Володин вытянулся ещё больше и залился краской так, что капитан отвернулся. - Разрешите навести порядок и доложить!

- Разрешаю, - капитан кивнул. - Сегодня в шестнадцать-ноль. Ну, работайте, работайте.

Он прошёл обратно к створке люка, распахнул её и обернулся на пороге.

- Заодно пора осмотреть переборку за восьмым отсеком. На второй палубе.

Откуда-то из вентиляции раздался негодующий писк:

- Шеф, это уже чересчур!

Капитан довольно кивнул и подмигнул Володину, отчего тот покраснел ещё больше.

- Осмотрите и доложите. Всё.

Створка закрылась. Володин вздохнул и облокотился на терминал. Краснеть он так и не разучился, знал об этом и смущался ещё больше.

По вентиляции простучали коготки, и из-под решётки показалась недовольная морда Джока.

- Старый я уже для таких штук. Скачешь тут, как кенгуру, и всё из-за какого-то несчастного кусочка, от которого один запах и остался...

Старлей наблюдал, как Джок вылез на середину отсека, поправил ошейник и уселся, взъерошенный и надутый.

- Достукался. - Мрачно констатировал Володин. - За каким чёртом ты полез в резервный рефрижератор, а? Там же святая святых, запасы для гостей.

- Да знаю я, - Джок пошевелил носом. - Но я тут краем уха слышал, что на Венере будем нескоро...

- Этот край уха - тощий такой, усы подпалены с одной стороны?

- Ну да. - Джок выглядел озадаченным. - А ты откуда знаешь?

- Оттуда. Мне по должности положено. Как не знать, когда он пасётся всё время в штурманских отсеках. Дедукция, мой серый друг, дедукция... Значит, ты услышал, что на Венере будем нескоро, и решил перераспределить корабельные запасы?

- С тобой невозможно разговаривать. Ну, решил, и что с того? Я же не знал, что гости пожалуют, а наши примутся их кормить из резерва. Могли бы угостить попроще.

- Это ты мог бы питаться попроще. Если твои закрома тряхнуть, жадина, наверняка неделю весь экипаж кормить можно.

Немного помолчали.

- А знаешь, - сказал Джок, - однажды нам так и пришлось сделать, ещё на «Бойком». На неделю, правда, не хватило бы... Хватило на четверо суток, а там и помощь подошла. С водой, правда, плохо было. Шеф тогда придумал вымораживать один кормовой отсек, потом собирать со стен конденсат. Хорошо, что воздух был... Зато еды хватило, никто не умер, только зубы обломали некоторые - грызть люди совсем разучились... Эх, молодость. Что делать-то будем? Может, не полезешь в переборку, а?

- Полезу. - Вздохнул Володин. - Приказы не обсуждаются, а выполняются. Но сначала я займусь рефрижератором, стало быть, у тебя есть как минимум три часа. Кстати, как ты ухитрился одолеть этот холодильник? Там же магистрали высоковольтные кругом, криостанция рядом, и всё вплотную - так что... - он хотел сказать «мышь не пролезет», но только прыснул. Оказывается, не только пролезет, но и вытащит награбленное.

- Ну да, трудновато там. - Джок приосанился. - Но мы справились. Красиво было сделано. Ну, сам оценишь, когда твои ребята будут чинить. А с переборкой... Ты куда сначала, на правый борт или на левый?

- А куда надо?

- Лучше бы на левый.

- Ладно, пойду на левый. Да не переживай ты так, приказано было только осмотреть и доложить.

- Не понравится шефу твой доклад. Пойду свистну своим, чтобы прибрались там.

- Ты что, свистеть умеешь?

- С вами и не тому научишься. Ботинками ещё кидаются, скачи тут...

В большой навигационной был полумрак, к которому Паркер не сразу привык. Оглядевшись, он понял, почему эта навигационная называлась большой – одну стену целиком занимал экран, и россыпь звёзд сияла словно в окне, распахнутом в открытый космос. Иногда Паркер невольно косился в ту сторону, отрывая взгляд от объёмной карты участка Пояса, вокруг которой они и собрались.

Вонг докладывал, обращаясь в основном к капитану:

...эффект Ярковского исключён. Таким образом, при сохранении текущих условий через тринадцать часов сорок восемь... виноват, сорок семь минут сорок секунд астероид девятнадцать-девятьюсто восемь эр-эйч шесть имеет все шансы столкнуться с астероидом двадцать-двадцать семь а-дэ. На данный момент скорость девятнадцать-девятьюсто восемь постоянная, направление постоянное.

Он прикоснулся к клавишам на боковом пульте, показал вектор и дистанцию. Венёв почесал затылок, встопорщил оставшиеся седые волосы.

- Спасибо. - Капитан повернулся к гостям. - Если я ещё в ладах с математикой, то девятнадцать-девятьюсто восемь сошёл с орбиты и начал двигаться в направлении станции где-то шесть часов назад?

- Ну да. - Паркер поёжился. - Прежде, чем генераторы сдохли, радар засёк начало движения. Потом его включали с интервалом минут в десять, чтобы не сажать батареи - сирена орала, как резаная... А потом мы на аварийной частоте связались с Марсом, и нам сказали немедленно обратиться к вам.

- Значит, начало вы видели?

- Да нет, не успели. Я же говорю - генераторы тут же сдохли, секунды не прошло. Успело сработать оповещение - я думаю, что оно там орёт до сих пор, как только в систему подают энергию... Всё очень быстро случилось.

- Я понял. Вонг, спасибо ещё раз, - навигатор слушал бесстрастно, но Паркеру показалось, что по лицу офицера мелькнула тень озабоченности. - Вести девятнадцать-девятьюсто восемь постоянно, обо всех изменениях курса и скорости докладывать немедленно. Через двадцать минут дайте мне уточнённые данные о размерах и массах... Не сейчас, Вонг. Через двадцать минут. Можете идти.

Венёв опять взъерошил волосы. Капитан сделал пару шагов к карте, заложил руки за спину, глядя на астероид, который на объёмной картинке казался безобидным камешком - тривиальное небесное тело, детально отрисованное проектором...

- Чак, - сказал он, и старпом мгновенно оказался с ним рядом. - Мы должны быть здесь, - он показал. - «Лефорт» - здесь. Охранение лучше держать левее, пусть стоят за нашей бронёй. Пусть кто-нибудь из младших навигаторов попробует посчитать диспозицию. Как думаешь, кому стоит дать попробовать?

- Я полагаю - Вальмье.

- Что скажет Вонг?

- Полагаю, согласится. Вальмье у него на хорошем счету.

- Хорошо, пусть будет Вальмье... Только скажи ему, чтобы в этот раз не пытался меня удивить - мне нужна диспозиция, а не брабантские кружева. Пока всё.

Вслед за навигатором вышел и Чак. Капитан повернулся к гостям.

- Ну что же, джентльмены...

Паркер довольно невежливо перебил его.

- Позвольте спросить - как мы там окажемся, если до сих пор стоим? Вы же не отдали ни одного распоряжения сдвинуться с места, а там астероид валится прямо на станцию!

Венёв, окончательно растрепавший седую шевелюру и ставший похожим на одуванчик, растерянно переводил взгляд с одного на другого. Офицер за боковым пультом окаменел, услышав такое кощунство.

- Мистер Паркер, - капитан поднял бровь, и Паркер опять увидел лукавый огонёк в его глазах. - Военные, конечно, тугодумы и бюрократы... но мы идём полным ходом к станции с того момента, как приняли вас в шлюз.

За ужином, пользуясь относительно свободными нравами на «Независимом», Володин выбрал себе место поближе к главному механику. Нуоррсулайнен сидел в такой позе, в которой обычный человек сидеть не может - при его росте и худобе иначе расположиться было трудно. Удивительное дело - он никогда не был предметом для шуток, хотя флотские никогда не упускают возможности подтрунить над кем-нибудь.

Володин подсел поближе, дождался, пока механик доест, и издали завёл разговор о том, что уже было известно большинству офицеров. Для Володина, да и не только для него, это было первое серьёзное дело, и любопытство просто распирало старшего лейтенанта - флагман идёт в район предполагаемого столкновения двух астероидов, на одном из которых находится исследовательская станция. Само по себе столкновение не бог весть какая редкость - Пояс живёт своей жизнью, постоянно «дышит», но одно дело, когда легоныко касаются друг друга десятитонные кусочки, и совсем другое - когда речь заходит о таких махинах. Масла в огонь подливал слух о том, что виновник тревоги, девятнадцать-девятьюсто восемь, сдвинулся с места без всяких видимых причин, словно его пнули. Навигаторы будто воды в рот набрали, добиться от них чего-нибудь было невозможно. Володин понимал так, что данное происшествие озадачило их больше, чем кого-либо - им по долгу службы положено знать, какая пылинка сдвинется на метр в следующем году, а тут такое творится...

Механик отвечал флегматично, подолгу взвешивая слова.

- Всё выяснится по прибытии на место. Не беги впереди паровоза.

- Впереди чего?

- Было когда-то такое транспортное средство, очень большое и тяжёлое.

- Смысл понял. - Володин поставил кружку на стол. - Но хотелось бы знать, что мы будем делать? Вот прибудем, посмотримся, и дальше что? Что нам делать с этим астероидом?

Механик повёл плечом, и вечно смятый посредине погон встал домиком.

- А что бы ты сделал?

- Я-то? Я бы разнёс его... ну, хотя бы главным калибром.

- Главным? - Тамме помолчал немного, потом произнёс медленно, будто с неохотой. - Можно, конечно, и главным... Ты хоть знаешь, сколько раз использовался главный калибр этого корабля?

- Ну, - Володин подумал, - наверняка не скажу, а на Рее ведь стреляли.

- На Рее вели огонь в первый раз. А всего стреляли дважды. - Механик сказал это как-то очень твёрдо, словно поставил точку в разговоре.

Главный калибр «Независимого» был весомым аргументом флота. Самым весомым. И самым последним.

Оружие, суммарный залп которого способен оставить на поверхности планеты воронку глубиной километра три – это если на планете есть плотная, подобно земной, атмосфера. Вернее, не оставить ничего, кроме воронки – аннигиляция сжигает всё без остатка. Огромное количество вспомогательных механизмов занимало столько места, что нести боевые аннигиляторы были способны только флагманские корабли – «Независимый» да «Нахимов» из Первой эскадры.

Володин знал о необходимых мерах безопасности: для того, чтобы разблокировать управление главным калибром, требовались согласованные действия командира, старпома и главного механика. Даже на учебных стрельбах главный калибр никогда не использовался, только калибровались системы наведения.

Володин не понимал, почему механик так странно отреагировал. Военный корабль должен стрелять, на то он и военный корабль.

Тамме словно читал его мысли.

- Стрелять военный корабль должен. А вот апокалипсис по каждому поводу устраивать... И даже если повод есть...

Он поднялся, раскладываясь в несколько приёмов, как перочинный нож, и похлопал Володина по плечу:

- Спроси капитана, что за штука висит у него на стене... Да, кстати – мне показалось, что я видел незакрытый люк в систему охлаждения на второй палубе, сразу под башней. Если мне память не изменяет, твои там закончили работу ещё вчера? – И Володин густо покраснел.

После ужина старший лейтенант отправился к люку. Створка действительно была приоткрыта, и теперь краснеть пришлось старшине, которого Володин вызвал. Задерживаться не стал – теперь можно было не сомневаться, что пристыжённый старшина наведёт порядок – и отправился на камбуз разбираться с проделками Джок.

Над коком Володин всегда подтрунивал – трудно было понять, как можно оставаться таким худым на камбузе. Кок только загадочно улыбался и угощал чем-нибудь вкусеньким. В этот раз Володину достался кусочек какого-то желе, пахнущего клюквой. Володин поблагодарил и принялся работать. Отодвинул панель, включил терминал и перекинул питание на резервное – камбуз, как и центральный пост, питался от основных систем жизнеобеспечения «Независимого», в этом Володину виделся один из основных постулатов флотской философии. Старлей повесил на бедро планшет с инструментом. Дал команду автоматике открыть нижний люк. Кок наблюдал за его манипуляциями, возясь с кухонным комбайном. Володин подмигнул ему, взял фонарь и нырнул за внутреннюю обшивку. Здесь приходилось бывать нечасто, и Володин на секунду задумался: он иногда проверял себя, пытаясь обойтись без помощи коммуникатора, в который перенёс основные схемы корабля. Прошёл второй рефрижератор, подобрался к третьему. Обогнул толстую трубу, нагнулся, свернул влево и протиснулся между выступом корпуса и клапаном системы вентиляции. Дальше пришлось пробираться на четвереньках, а вскоре и совсем ползком.

Проход сузился ещё, в луче фонаря стала видна задняя стенка четвёртого холодильника. В ней красовалось аккуратное отверстие размером чуть меньше яблока. Володин качал головой, глядя на то, как ювелирно Джок и его шайка обошли трубы криогенной установки и шины энергоснабжения. Оставался открытым вопрос, как они сумели справиться с термоизоляцией такой толщины... Где-то сбоку послышался осторожный шорох. Володин посветил туда, но успел заметить только мелькнувший в луче фонаря хвост. Простучали по металлу коготки, и снова всё стихло.

- Вот черти. – Сказал Володин и стукнулся головой обо что-то. – Эй вы там, позовите Джок немедленно!

В ответ что-то прошуршало. Через полминуты откуда-то сбоку высунулась усатая мордочка, втянула носом воздух и пискнула:

- Кто меня звал?

- Это так ты, значит, наводишь порядок в переборке? – свирепо спросил Володин, потирая ушибленный затылок. – Тащишь остатки, пока можно?

- Виноват. – Кротко сказал Джок. На хитроушей физиономии не было и следа раскаяния. – За всеми не уследишь. Что я могу сделать, если каждый старается, как может? Они же для общего блага... Запасы...

- Вот я им постараюсь. – Пригрозил Володин. – Можно подумать, их не подкармливают! Животы себе отожрали, скоро в вентиляцию пролезать перестанут!

Джок ждал, умильно поблёскивая глазами-бусинками. Сукин сын умел держать паузу, прекрасно зная людскую натуру.

- Ладно. – Буркнул старлей. – Если ты ещё способен пузо волочить, подай мне ключ из планшета, а то я достать не могу. Твои, между прочим, проделки исправлять собираюсь.

Тут действительно было тесно – Володин так и не смог дотянуться до ключей. Джок пропал из поля зрения, потом старлей почувствовал бедром осторожное движение.

- Синий или чёрный?

- Синий. Надо холод перекрыть, чтобы реагент в контур не пошёл, пока заплатку ставить будут. У-у-у, зубастое отродье...

Планшет не бедре задёргался, послышался тихий звук соприкосновения металла с металлом – Джок тащил ключ по желобу. Пролез у Володина под мышкой и положил ключ прямо возле руки.

- Спасибо.

- Не за что.

- Как вы это прогрызли-то?

- Не скажу, а то в следующий раз не получится.

- Я вот тебе устрою следующий раз...

Ещё минуту старший лейтенант пыхтел, пытаясь дотянуться ключом до клапана. Джок внимательно наблюдал.

- А общий перекрыть не проще будет?

- Не проще. Остальные должны работать. Или ты и их распотрошил?
- Да нет, не трогал я их. Там ничего интересного нет.
- А-а-а... - Володин наконец дотянулся, нажал на ключе клавишу. Клапан дважды мигнул и встал в положение «закрыто».
- Ну, я пошёл? - Осведомился Джок.
- Слушай, - сказал Володин, вспомнив что-то. - Скажи-ка мне, а что в каюте капитана висит на стене? Ну, кусок брони в рамке. Откуда он?
- На стене-то? - Джок остановился. - А тебе шеф не говорил?
- Да нет.
Джок помедлил.
- Ну, тогда и я не скажу.
- Да что за секреты, в самом деле! - Рассердился Володин. - Тоже мне, тайны мадридского двора!
Но Джок не ответил, нырнув в свою вентиляцию, а Володин опять ударился затылком.

В центральном посту капитан слушал доклад Вонга.

- ...километров, масса – два и два на десять в двенадцатой степени килограммов. Если направление и скорость не изменятся, прогнозируем столкновение через девять часов тридцать три минуты. Станция безусловно пострадает, скорее всего - несущий астероид будет разрушен полностью. Последствия разлёта обломков сейчас рассчитываются, все возможные варианты будут доложены через полтора часа.

Капитан кивнул.

- Когда мы окажемся у станции, сколько у нас будет времени до столкновения?
- При соблюдении текущих условий – минут тридцать пять - сорок.
- Негусто... но лучше, чем ничего.

Капитан помолчал.

- Скажите-ка мне, Ли... Скажите вот что. С чего это он вдруг рванул с орбиты, по которой крутился столько лет? Если мне не изменяет память, этот участок Пояса очень давно не шевелился.
- По правде сказать, сэр, - навигатор помялся, - нам это тоже кажется странным. Память вам не изменяет, этот сегмент всегда считался спокойным - насколько спокойно могут себя вести астероиды. Этот чёртов камень... прошу прощения, сэр... он сдвинулся с места и пошёл так, как будто точно знает, куда ему нужно. С постоянной скоростью. Постоянным курсом. И не по орбите, а по прямой. Это астероид-то! Конечно, прошло совсем немного времени, чтобы говорить точно - но мне кажется, сэр, что Юпитер должен был намного оттянуть его на себя, раз уж он решил зашевелиться. Совсем немного, но должен был. Возможно, отклонение настолько незначительно, что мы его не можем измерить... Но у меня ощущение, что отклонения нет.
- Я тоже так думаю. - Капитан кивнул. - Прямее некуда. Хотите, подкину ещё задачку? Не одному же мне голову ломать... Чак, ты нас слышишь?
- Так точно.

- Присоединяйся. Джентльмены, я тут сопоставил время - и у меня получилось, что девятнадцать-девятьюто восемь соскочил с места в тот самый момент, когда на станции «посветили» лазером в скважину - плюс-минус несколько минут. Может быть, и случайность. Но если верить Паркеру, сразу после включения лучевого бура - он не уточняет, когда именно «сразу» - у него остановились генераторы.

Раскосые глаза Вонга медленно расширились.

- Я тоже не очень поверил. - Капитан опёрся о пульт локтями. - И попросил механика разобраться. Сначала он, конечно, решил, что на станции поселились недоучки. Однако - нет, ребята там оказались вполне квалифицированными... Тамме уже полчаса сидит с ними на прямом канале, наши связисты качают в эфир киловатты – станция-то на батарейном питании, даже антенны повернуть не может... Так вот, наш механик сейчас выглядит как портативная шаровая молния - волосы дыбом и вот-вот взорвётся. Факт остановки генераторов для него всё равно что отмена закона сохранения энергии. Ему кажется, что такого не может случиться никогда. Мне тоже так казалось, но теперь я не уверен. В принципе, случиться может всё, что угодно, уж мы-то с вами помним...

...Да уж, случится может всё. Всё, что угодно. Например, на должность начальника штаба Адмиралтейства могут назначить Саровски. Контр-адмирал отнюдь не был глуп (всё-таки он был контр-адмиралом), но и умным капитан его назвать не мог. Какая-то логика в его действиях была, но вот какая, оставалось загадкой для большинства офицеров. Возможно, контр-адмирал хотел прослыть реформатором, но уж очень нетрадиционные пути он для этого выбрал.

Например, Саровски реанимировал проект «Саламандра», зарубленный ещё десяток лет назад, и даже обосновал под него финансирование. Разработчики спешно привели проект в соответствие с требованиями сегодняшнего дня, пробный крейсер в рекордные сроки был построен на верфи «Флокс».

Капитан, тогда ещё не настолько седой, как сейчас, тщетно пытался получить хоть какую-то информацию об этой затее – крейсер должен был войти в его эскадру, и капитан, по идее, имел право знать его сильные и слабые стороны. Адмиралтейство отмалчивалось, но делало это как будто с ухмылкой – время от времени приходили депеши, вроде бы никак не связанные с его запросами, но на самом деле исключаящие саму возможность воздействия на ход работ. Было ощущение, что Адмиралтейству вообще не до того – кого-то назначали, кого-то снимали, бурно создавались управления. Строевые офицеры морщились, наблюдая за этой вознёй.

Капитан расположился в кают-компании поздно вечером, в очередной раз разложив перед собой распечатки – по старой привычке. Напротив сидел Санчес – тогдашний старпом. Санчесу до пенсии оставалось всего ничего. Капитан иногда чувствовал неловкость от того, что вынужден командовать человеком гораздо

старше и опытнее себя, но старик, похожий на индейца, видел капитана насквозь и только невозмутимо поднимал бровь, когда чувствовал слабинку. Капитан был благодарен ему за это. Сейчас разговор шёл о насущном.

-...откуда он вообще взялся?

Санчес поморщил медный лоб, вспоминая.

- Кажется, он ходил у Тихонова навигатором. Или старпомом, не помню точно.

- Давно?

- Ещё до Реи.

- А потом?

- Потом его перевели куда-то, когда Четвёртую расформировывали. Тихонов ушёл на «Резкий», но с собой его не взял.

- А мог?

- Конечно. Ему тогда полную свободу дали в подборе экипажа.

- Мог, но не взял. - Капитан облокотился на стол. - Значит, не за что было брать. Тихонов хороших офицеров не отпускал... Не нравится мне это.

- Выскочки никому не нравятся.

- Да я не про него. Мне вся эта затея не нравится, как яблоко с червоточинкой. Запросы устал посылать. Документацию не дают, к проекту не подпускают. Кое-что я всё-таки получил, неофициально... Подняли из старого проекта... Вроде бы должен получиться не корабль, а сказка. Красивый. Бронеплиты из другого материала, тёмные. И - не нравится, почему - не могу объяснить. Пожалуй, ещё один рапорт напишу, прямым на имя командующего. Знаешь, душа не на месте. Старею, что ли.

- Кто бы говорил. - Санчес улыбнулся как-то устало, погладил ладонью бритую голову. - Это у тебя не старость, это твоя хитрая интуиция, которую ты слушаешься чаще, чем приказов. Пожалуй, в этот раз я тебя понимаю. Обычно я тебя понимаю потом, после того, как всё случилось... Послушай-ка, ты знал, что на «Саламандре» расчёт второстепенных целей будет выполнять автоматика?

- Нет, по боевой части вообще ничего узнать не удалось, как ни пытался... Ну и что - автоматика? Так и у нас не вручную.

- Да нет, ты не понял... Трофейный «Тор» помнишь?

- Ещё бы не помнить. - Капитан настороженно оглянулся через плечо, словно мог видеть сквозь переборки давнюю пробоину в прочном корпусе «Независимого». Он даже опустил ладонь под стол, чтобы Санчес не видел, и украдкой погладил корабль. Санчес продолжал:

- Ты же помнишь, к нему подобраться можно было только... Как в древности Суворов ходил? Через Альпы, вот именно... А почему? Потому что на нём похожая система стояла, даже с погибшим экипажем эта штука огрызалась будь здоров. Наши умники расковыряли её, как умели, и решили, что могут сделать такую же и даже лучше. Почему, как ты думаешь, экипаж такой маленький - сто шестьдесят восемь человек на целый крейсер?

- Не знаю. Я решил, что это только для ходовых, потом доукомплектуют...

- Вот и нет. Сто шестьдесят восемь - весь экипаж.

- Откуда информация?

- Не скажу. - Санчес пожал плечами. - Мне тоже стало интересно, я кое-какие справки навёл.

- Вот оно что... - Капитан задумался, помедлил немного. - В принципе - почему бы и нет? Наверное, так и должно быть - корабли становятся мощнее, а экипажи меньше.

- Ты меня уговариваешь или себя? - Санчес поднял брови. - Автоматика - дело хорошее, но только на «Саламандре» автоматика будет не только вторичку считать, но и определять приоритет огневых задач.

- Даже так?

- Именно так. Так что твоя заноза имеет вполне логичное объяснение - Мэрфи помнишь?

- Кого?

- Не помнишь. А говоришь - старость... Старость - это когда и рад бы забыть, да уже не можешь. Был когда-то в наземной авиации офицер, который после испытаний изрёк знаменитую фразу...

- Вспомнил. - Капитан улыбнулся. - «Если неприятность может случиться, она обязательно случается».

- Не то. Это выжимка, суррогат для прессы. - Санчес вздохнул. - На самом деле фраза звучала так: «Если существует больше одного способа сделать что-либо, наверняка это сделают тем самым способом, который ведёт к катастрофе».

- Ну уж прямо так... - Слабо попытался возразить капитан.

- Так или не так - время покажет, а тогда это привело именно к катастрофе... Просто ты мне сказал, что тебе проект не нравится, а я попытался тебе объяснить, почему именно он тебе не нравится. Ты ведь деталей не знал, да?

- Не знал.

- Зато заноза твоя и без деталей всё знала.

- Далась тебе эта заноза! Такая у каждого есть...

- У каждого есть, не каждый чувствует.

- Джок научил. Ты же помнишь, как тогда на «Бойком»...

- Помню.

- Если бы не этот негодяй, было бы совсем плохо.

- Это да.

Они помолчали немного.

- Жалко, у Шеппарда такого Джокка нет.

- А ты ему предложи. - Санчес улыбнулся, немного разгладилась рубленые морщины на лице, медный индейский загар с которого не сошёл даже за столько лет пребывания в космосе.

- За сумасшедшего сочтёт. - Пожал плечами капитан. - Он хороший парень, но прагматичный. Не повзрослеет,

пока не попадёт в какую-нибудь передрагу.

- Лучше бы не попадать.

- Конечно лучше, кто же спорит? Только ведь у нас получается так - пока не узнаешь, почём фунт лиха, ничему не научишься.

- Хочешь сказать – ты чему-то научился? – Санчес смотрел на капитана с улыбкой. – Вон как Саровски тебя из колеи выбил, а всего-то – ещё один адмирал от письменного стола.

- Н-ну... - Капитан помолчал. – Не думаю, что Саровски и есть тот самый фунт лиха.

- Кто знает, кто знает... - Санчес поднялся. – Прошу разрешения отбыть ко сну.

- Разрешаю. – Капитан опять почувствовал себя неловко.

Санчес козырнул и вышел из кают-компании, а капитан остался размышлять о «Саламандре», Шеппарде и ещё ста шестидесяти семи ребятах, которых он должен был доставить на базу «Флокс».

Шеппард был ему симпатичен. Не по годам молодой капитан второго ранга должен был принять под командование «Саламандру», провести ходовые испытания и ввести крейсер в строй Второй эскадры. Сейчас весь экипаж будущего крейсера отсыпался в кубриках «Независимого», пока команда флагмана стояла вахты. Некоторых капитан знал, с кем-то успел перекинуться словечком, насколько хватало времени – команда «Саламандры» поднялась на борт позавчера, а скоро уже должна была сойти. До «Флокса» оставалось всего полсуток ходу. Вот так и проходит служба – только потом, на берегу, узнаёшь, что одноклассник ходил с тобой о борт... Капитан посидел немного и тоже пошёл спать.

Наутро они с Шеппардом разглядывали на обзорном экране центрального поста медленно приближающуюся базу. В левом доке темнел бронёй новёхонький крейсер, возле него ещё суетились челноки снабжения. Обводами он отличался от тех, что сейчас стояли в строю: узкий в миделе, вытянутый силуэт с приземистой надстройкой. Шеппард разглядывал «Саламандру» влюблёнными глазами. Капитан прекрасно его понимал – не часто за время службы удаётся увидеть собственный корабль со стороны. Именно поэтому на флоте так популярны модельки, которые личный состав, стесняясь сослуживцев, хранит в личных вещах.

- Волнуешься?

- Конечно, шеф. – Шеппард улыбнулся благодарно. – Конечно, волнуюсь. Хорошо, команда не видит.

- Если и увидит – ничего страшного, поверь мне. Команде полезно знать, что ты тоже человек.

- Хорошо вам говорить...

- Это мне-то хорошо? - Капитан прекрасно знал, что имеет в виду Шеппард. – Станешь и ты старым волком, вот как Санчес, и это тебе ещё наскучит... Только бороду не отпускай и попугая не бери, начальство не поймёт.

- Есть. – Шеппард засмеялся. – Да и жена не одобрит.

Капитан знал, что Шеппард женат – не частый случай среди флотских.

- В центральный-топустишь? Хоть одним глазком взглянуть?

Шеппард покраснел. Глупость, с которой Адмиралтейство засекретило проект до окончания ходовых испытаний, стала предметом едких острот среди офицеров - и не только среди них, подшучивали все, кому не лень, даже сантехники на верфи. Но капитан поглядывал добродушно, и Шеппард, поняв, что в этот раз над ним не смеются, пробормотал, словно оправдываясь:

- Само собой, шеф. Куда угодно. Кто это всё придумал, интересно?

- Кто придумал, тот тут же и засекретил, чтоб остаться неизвестным дураком... Иди готовь своих, скоро швартоваться будем.

- Есть.

- Стив, - остановил его капитан. – Что ты заладил «есть» да «есть»? Ты ведь теперь тоже капитан, привыкай.

«Независимый» подходил к базе. «Флокс» дал фарватер, и капитан, поприветствовав командира базы, которого знал давным-давно, с лёгким сердцем оставил швартовку вахтенному навигатору. Оставив корабли охранения у ближнего буя, флагман аккуратно подошёл к пирсу. С мягким щелчком присоединился стыковочный рукав, внутри него наполнился воздухом другой.

На второй палубе капитан наблюдал за тем, как раскрасневшийся от волнения Шеппард перед строем экипажа «Саламандры» - а на флагмане было где построиться - принимает рапорт от своего старшего помощника. Сам принял доклад от Шеппарда и провожал глазами выходящий строем экипаж крейсера. Встречая знакомые лица, еле заметно кивал, получая в ответ благодарные улыбки.

После швартовки капитан зашёл к себе в каюту. Джок в углу хрустел печеньем, капитан прихлёбывал кофе. Болтали о пустяках.

- А знаешь, ещё была традиция такая на новоселье...

- Что такое «новоселье»?

- Ты хоть прожуй сначала. Новоселье – был такой праздник у людей, когда они впервые входили в новый дом. Ну, они могли ходить по нему и раньше, но когда приходили в дом именно жить, то первой за порог пускали кошку.

Джок перестал жевать.

- Ну что ты уставился? Кошку, обычную кошку. – Поддразнивая, подтвердил капитан.

- Бред. – К Джоку понемногу возвращался дар речи. – Не может быть.

- Может, может. – Капитан допил кофе и поставил кружку на стол, косясь на Джока.

- Нет, не может. – Мрачно повторил Джок. – Не верю. Бред. И вообще...

Он покрутил мордой, не зная, что сказать, потом демонстративно повернулся к капитану спиной (чтобы не сказать задом) и опять захрустел, от обиды давясь крошками и фыркая. Капитан с удовольствием наблюдал за ним.

- Ладно, нечего тут дуться. У Шеппарда кошки нет, да и на «Флоксе» наверняка тоже нет... И вообще эту традицию почти никто и не помнит.

- Наконец-то вы поумнели, - мстительно заявил Джок из угла. – Это же надо – кошку...

- Не уверен, что поумнели. – Капитан поднялся. – Глядя на некоторых контр-адмиралов, этого не скажешь...

Ладно, собирайся. Прогуляемся на «Саламандру».

- Чего мы там забыли-то? – Фыркнул Джок.

- Чего, чего... Пройдёмся, посмотрим. Неужели неинтересно? Новый совсем корабль.

- Наш тоже не старый...

- Ну вот что. – Капитан начал было раздражаться, но потом усмехнулся, решив, что Джок просто отыгрывается за кошек. – Есть возможность привести старую традицию, как говорят, в соответствие с требованиями времени. Эпохальный момент. Никаких кошек нет, зато у нас есть ты. Конечно, команда уже вступила на борт, так что момент новоселья почти прошёл... да и не могу я торжественно обставить твоё прибытие, сам понимаешь. Придётся тебе как-нибудь самому потихоньку... Но если ты откажешься, я просто решу, что ты не можешь лазейку найти.

- Я? Лазейку не могу? – Джок даже подпрыгнул. Кажется, мысль о том, что можно первым из четвероногих взойти на борт, только что до него дошла. – Посмотрим, кто из нас там раньше окажется!

- Посмотрим, посмотрим. – Мирολюбиво кивнул капитан и коснулся настенной панели.

- Слушаю. – Отозвался вахтенный.

- Когда там у нас следующее увольнение на берег?

- Через семнадцать минут, старшим капитан третьего ранга Вайс.

- Я пойду с ними, командование принял Санчес. Постараюсь не задерживать, но если что – пусть подождут минутку, скоро буду.

- Есть.

Оглянувшись, капитан увидел мелькнувший под койкой хвост. Усмехнулся, поколдовал немного над панелью, перекинув управление аварийными функциями старшему помощнику, и шагнул через комингс. Вовремя удалось отправить Джок на «Саламандру» - пусть ползает, пощупает своими локаторами. Может, выяснится, отчего так тревожно на душе.

В шлюзе его ждала команда сходящих в увольнение. На «Независимом» капитан завёл порядок – если есть возможность, на берег поочерёдно сходит весь экипаж без исключения. Глупо лишать возможности прогуляться людей, и без того запертых пусть и в очень большой, но всё-таки консервной банке. Если среди увольняемых и есть нарушители корабельной дисциплины, то разбираться с ними надо на корабле, но никак ни на берегу. Да и берегом космобазу называли весьма условно – вот сравнялось давление, открылись створки люка, и ноздри почуяли чуть другой запах – но это всё тот же кондиционированный воздух, отделённый от ближайшей планеты миллионами километров пустоты...

Откозыряв Старику, увольняемые разбежались кто куда, остался один Вайс. Вдвоём с капитаном они не спеша дошли до лифтов. Вайс отправился вниз, в гражданский сектор, капитан окинул взглядом настенную схему базы – вот и ещё один сегмент пристроили, скоро без провожатого не разберёшься.

База «Флокс» была, наверное, самой старой в Системе. Когда-то именно отсюда стартовали близнецы «Байконур» и «Канаверал» - два корабля-прототипа, которым суждено было впервые испытать возможности новых двигателей, стоящих теперь на большинстве кораблей. Тогда, собственно, и было положено начало современному флоту... С того времени доки дважды перестраивались, появился новый жилой комплекс с оранжереей и ещё много чего.

На «Флоксе», само собой, имелись батареи охранения и несколько приданных сторожевиков, но на самом деле это была скорее верфь, чем настоящая военная база, и большинство флотских знало это – здесь было полно гражданских специалистов, не очень-то признававших военные порядки. Поневоле знал и командир, вынужденный заниматься не только базой, а ещё и строительством и текущим ремонтом разрастающегося хозяйства, снабжением, обеспечением, улаживанием бесконечных конфликтов и ещё чёрт знает чем. Капитан только головой качал, глядя на него – коммуникатор не умолкал ни на секунду, на панелях перемигивались лампы вызова. Командир базы, уже немолодой, но весёлый толстячок, ухитрялся управляться со всем этим хозяйством, одновременно прихлёбывать чай и рассказывать капитану свежие новости. Он многих знал – так или иначе, каждый корабль хоть раз да побывал здесь.

Когда речь зашла о «Саламандре», он вдруг нахмурился, оставил кружку и одним щелчком вырубил всю свою коммуникацию. Повисла тишина.

- Слушай, какое дело... - он прокашлялся. – Не знаю, что они там себе в штабе думают, как-то странно это всё выглядит... В общем, мне приказано выпустить крейсер в одиночку. Без охранения, то есть без тебя. К моменту выхода надо очистить два сектора на подходах, левый и средний верхние. И связь заглушить.

- В смысле? – Удивился капитан и тоже отставил кружку. – То есть как без охранения? А мы?

- А вас к этому времени должен и след простыть. Я думал, ты в курсе.

- Да нет. – Пожал плечами капитан. – Приказа не было.

- Значит, будет. Я сам получил часа полтора назад.

- Интересно... - Капитан не успел договорить, теперь зажужжал коммуникатор у него. Мигал индикатор закрытого канала.

- Извини. – Сказал он командиру базы, вставляя в ухо наушник.

- Да ничего. – Тот щёлкнул переключателем, и кабинет опять наполнился шумом.

Капитан нажал пару кнопок. Вызывал Санчес.

- Есть связь с Адмиралтейством, получен приказ на твоё имя. Могу подключить прямо на выход дешифратора.

- Давай.

Приказ подтверждал всё то, о чём говорил командир «Флокса» - высадить экипаж «Саламандры» на базу, отшвартоваться и убраться за тридевять земель – на дальнюю площадку. По прибытии обеспечить безопасность полигона, дожидаться «Саламандры» и ни в коем случае не совать туда нос, пока крейсер будет проводить учебные стрельбы. Капитан дослушал всё это, пытаясь оставаться бесстрастным, заново вызвал Санчеса и вкратце пересказал ему основное.

- Понял. – Ответил Санчес. – Увольнения отменяю, возвращаю всех на борт. Когда выходим?
- Через тридцать минут. Я всё-таки хочу взглянуть – хочется понять, что на «Саламандре» такого, что это нужно прятать даже от нас. Вряд ли увижу, конечно, но кто знает...

Капитан вынул наушник, повернулся к командиру базы, который в это время распекал кого-то за челнок, оставшийся без связи. Тот заметил взгляд капитана, вопросительно поднял брови.

- Ты был прав. – Капитан развёл руками. – Выгоняют нас отсюда.
- Хорошо хоть не сказал, что это я вас выгоняю... Когда вернётесь?
- Пока не знаю.
- Как там Чак у тебя служит?
- Хорошо служит, такого стрелка поискать.
- Привет ему. И... удачи. Извини, если что не так.
- Да ладно. Спасибо.

Капитан прошёл в зону лифтов, по дороге отвечая на приветствия военных. Немного постоял у настенного монитора, который давал панорамную картину доков. «Саламандра» всё-таки получилась красивым кораблём. Капитан разглядывал стройный, с хищными обводами корпус крейсера, стараясь не думать о том, почему ему, командиру эскадры, не позволено знать подробности о корабле, поступающем под его командование.

Подожёл лифт. Капитан поднялся на третий ярус, прошёл в зону шлюза с «Саламандрой». Через дежурного офицера запросил канал связи с Шеппардом и попросил разрешения подняться на борт.

Шеппард встретил его прямо у люка, безуспешно пытаясь сдержать гордую, мальчишескую улыбку. Крейсер изумительно пах новым кораблём. Тихонько шумели за обшивкой вспомогательные механизмы, по палубам деловито сновал экипаж. Коридоры были просторнее и светлее, чем на флагмане, капитан отмечал про себя иное расположение внутренних помещений. Шеппард провёл его в центральный пост, и капитан остановился на пороге, заложив руки за спину. Вспомнил Джок и улыбнулся – интересно, успел тот добраться или нет? Не видно вентиляционных решёток, здесь всё построено иначе...

Вахтенные негромко переговаривались между собой, время от времени поглядывая вверх. Капитан тоже поднял голову. Посмотреть было на что – обзорный экран заходил далеко на потолок, панораму давал изумительную. Показался краешек Солнца, светофильтры тут же смягчили яростное сияние. Шеппард сделал приглашающий жест рукой, но капитан отказался, так и стоял на пороге, пытаясь понять, где пульт офицера управления огнём. Там – вахта, тут – пустующие пока кресла навигаторов, вот здесь, где сейчас стоит Шеппард – места командира, и, кажется, старпома... Спрашивать как-то неловко. Может, здесь? Не похоже, это скорее для связистов...

- Ну что же, - капитан глянул на коммуникатор. – Достойный корабль, рад за тебя, Стив. Ещё раз поздравляю. Мне пора.

- Понимаю. – Шеппард посерьёзnel. – Вам ведь уже выходить? Жаль, я хотел показать...

- В другой раз. – Капитан отметил, что Шеппард не удивился и не возразил – значит, тоже был в курсе. Странно получается, все вокруг в курсе... - В другой раз, капитан Шеппард. Ждём тебя на полигоне. Посмотрим на мишенях, чему ты научился.

Шеппард улыбнулся смущённо:

- Конечно, с Чаком нам пока не тягаться... Но мы тоже кое-что умеем, да и птичка наша... - он замолчал.

- Ну вот и посмотрим. – Капитан сделал вид, что ничего не заметил, похлопал Шеппарда по плечу. – Будь здоров.

Флагман медленно отходил от базы. Всё происходило как и тысячу раз до этого, и капитан очень хотел казаться спокойным, глядя на удаляющийся силуэт стоящей в доке «Саламандры». Что-то было не так. Неизвестный корабль. Непонятные приказы. Куда-то запропастился Джок, будь он не ладен: появился на секунду, пискнул «уходим, шеф» и снова юркнул в свою вентиляцию. Возможности задержать выход не было – остаться дольше означало подвести и Шеппарда, и «Флокс», у них свои приказы имелись, и их надлежало выполнять.

- Ну и ладно. – Капитан скинул наушник. Санчес повернулся к нему, вопросительно поднял бровь. Капитан раздражённо повёл плечом. – По удалению на три единицы «Рузвельту» и «Лефорту» - левый пеленг, охранению стоять по периметру двойным ромбом. «Рузвельту» - держать два звена «Валькирий» снаружи в готовности один. Эсминцы – внутрь охранения. Вахты стоять по боевому расписанию, двойным составом. Всё. Управление вахтенному офицеру передал.

- Управление принял. – Отозвался вахтенный. – Навигаторам – дать курс, расчётное время...

- Старший помощник, - негромко позвал капитан, отключив коммуникатор. Санчес кивнул и поднялся из кресла.

По коридору капитан шёл чернее тучи; встреченный электрик, увидев лицо капитана, ужом юркнул в какой-то люк.

- Что? – Спросил Санчес, едва переступив комингс капитанской каюты.

- Не знаю. – Капитан не садился, мерил каюту шагами. – Ничего не знаю. И ничего не понимаю. Новейший крейсер должен выйти с базы и чесать на полигон без охранения. У них там под фуражками хоть немного мозгов осталось? И ещё темп, в котором всё это делается. Сомневаюсь, что экипаж хотя бы пожитки успел распаковать, а им уже – вперёд, бегом, за двое суток ходовые и на стрельбище!

- Да, кто-то очень торопится. - Санчес подошёл к креслу, но садиться не стал. – Но экипаж наверняка серьёзно готовили, без этого нельзя.

- Готовили-то готовили, - отмахнулся капитан. – Только вся эта подготовка... Чтобы понять повадки корабля, даже не месяцы нужны – годы! Го-ды...

- Давно я тебя таким не видел. Даже на Рее ты был поспокойнее.

- На Рее всё было понятно. – Капитан вздохнул. – Там не до того было... «Флоксу» приказано связь блокировать на время выхода, представляешь? Джок! Джок, чёрт тебя дери!!

- Я здесь, шеф. – Усатая морда показалась из-под койки.

- Ты мне что за номера выкидывать вздумал? «Уходим, шеф» - и в нору! Что это значит? Что с кораблём?
- С нашим – всё в порядке. – Спокойно ответил Джок. – Не мог доложить подробнее, нужно было время пробежаться, узнать, все ли на месте. Мы же рванули, как ненормальные. Меня в шлюзе чуть створкой не прищемило! – Пожаловался он Санчесу. – С чего такая спешка?
- С чего, с чего... - Пробурчал, остывая, капитан и присел к столу. - С того. Ты на «Саламандре» хоть был?
- Был. – Джок выбрался на середину каюты.
- И что скажешь?

Санчес облокотился на спинку кресла, заинтересованно посмотрел на Джок.

- Плохой корабль. – Сказал Джок безо всякого выражения и принялся тереть лапой усы. Капитан переглянулся с Санчесом.
- Что это значит – плохой? – Капитан был озадачен. У Джок была своя классификация. Некоторые корабли он называл «жадными», про какие-то говорил, что они «узкие», видимо, имея в виду внутреннее пространство. Но чтобы просто «плохой»...
- Да объясни ты толком. – Вмешался Санчес. – Понятное дело, новый корабль по-новому построен. Там что, тесно? Неудобно?
- Нет.
- Душно?
- Нет.
- А что тогда?

Джок перестал тереть усы и переводил глаза-бусинки с одного на другого, точно надеясь, что непонятливые люди наконец сообразят.

- Плохой корабль. – Повторил он. – Нельзя жить. Нельзя, и всё. Хорошо, что мы ушли.
- Мы-то ушли, – устало сказал капитан. – Мы ушли. А они остались... Ладно, иди отсюда.

Джок не спеша добрался до решётки вентиляции, оглянулся на капитана, выждал секунду и исчез.

- Неисправности? – Предположил Санчес.
- Вряд ли, иначе бы вся база на ушах стояла. – Ответил капитан. – Да и Джок объяснил бы. Нет, тут другое что-то... что нельзя измерить и объяснить. Нехорошо всё это. Ладно, пойду-ка я опять в центральный. Твоя вахта когда?
- Ночью, с двух часов.
- Если что – сам знаешь...
- Знаю.

Из центрального поста капитан снова запросил связь с «Саламандрой», дождался, пока на экране покажется лицо Шеппарда.

- Стив... - Капитан долго подбирал слова, не зная, что сказать. – У тебя на борту всё в порядке?
- Насколько я знаю, да. – Шеппард удивился. – Что-то случилось?
- Да нет, - капитан не мог сказать ему напрямую о визите Джок и неожиданных выводах. – Вроде бы ничего. Просто машина новая, неопробованная, кто его, знает, какие могут быть сюрпризы... Ты повнимательнее там, хорошо?
- Есть, шеф. – Шеппард, решительно ничего не понявший. – Будем внимательнее...
- Приказывать я тебе не могу – «Саламандра» должна вступить в строй эскадры только после стрельб, но очень тебя прошу – обшарь как следует крейсер, осмотри всё пристально, и не бойся казаться занудой. Подними документацию, тебе-то её наверняка выдали всю... Если хоть одна заклёпочка не на месте, никуда не выходи.
- Я понял, шеф. – Шеппард свёл брови к переносице. – Пожалуй, мы ещё раз осмотримся. Хотя времени в обрез, уже начали прогон основных систем, пока всё в норме... Я понял. Сделаю.
- Ну и хорошо. – Капитан, вопреки ожиданиям, облегчения не чувствовал. – Удачи.
- Удачи. Спасибо, шеф.

Связь прервалась. Капитан подумал немного, скомандовал вахтенному навигатору сбросить ход эскадры до малого. Хотел было выключить свой пульт, но махнул рукой и начал стучать по клавиатуре, набирая текст. Вахтенные осторожно поглядывали на него – Старик редко когда засиживался во время чужой вахты и ещё реже работал с текстами в центральном посту.

Капитан морщился, подбирая неуклюжие канцелярские слова.

«...таким образом, крейсер «Саламандра», бортовой номер 2055, прошу считать входящим в строй Второй эскадры, находящейся под моим командованием, до проведения ходовых испытаний и учебных стрельб. Однако, в связи с неоднократными отказами штаба Адмиралтейства в ответ на запросы о предоставлении доступа к технической и эксплуатационной документации, в очередной раз считаю необходимым доложить соображения...»

Он ещё раз перечитал написанное, откинулся на спинку, прикрыл глаза. Что, интересно, скажет Санчес? Скажет – похоже на шантаж. Да ладно, что бы он ни сказал – хуже уже не будет. Пахнет ловушкой, как тогда на Рее... Только штабные ловушки – это не военные действия, тут всё исподтишка, а флоту так не пристало. Запасной колоды в рукаве капитан никогда не держал, стало быть, решил ходить с козырей, и гори оно всё, как в реакторе. Там – целый крейсер, с которым что-то не так, и ничего не подозревающая команда, в которой полно новичков. Вот пусть фуражки в штабе и разбираются, или – или...

«...в противном случае прошу освободить меня от занимаемой должности». Точка. Дата. Подпись. Идентификатор.

Капитан запросил связистов, коснулся нескольких сенсоров на пульте. Рапорт ушёл в шифратор, превратился в мешанину букв, цифр и случайного шума, сорвался с кончика антенны дальней связи и понёсся в пространстве в сторону планеты Земля.

Капитан поднялся, кивнул вахтенному офицеру и вышел из центрального поста. Только что он положил свою репутацию на чашу весов. Неплохо было бы узнать, что находится на другой. Хотелось поговорить с кем-

нибудь, с тем же Санчесом – но Санчес сейчас отдыхает, ему ночью заступать. Или к Тамме сходить, он давно косится, как будто хочет спросить, но не решается... Да многие косятся... Ладно, что сделано – то сделано, вот дадут отставку – тогда и будем думать.

Других рычагов у капитана не осталось, он использовал всё, что мог. Оставался, правда, ещё вариант – задержать выход «Саламандры» под каким-нибудь предлогом. Капитана не пугала репутация паникёра, но вот так, напрямую, нарушать приказ он не хотел, не хотел и подставлять Шеппарда. Хотя, возможно, это стоило бы сделать – размышляя так, он дошёл почти до медицинского отсека, рассеянно отвечая на приветствия.

Коридор взвыл сиренами, на потолке замигали тревожные лампы. Зажужжал коммуникатор. Капитан, обругав себя, развернулся и бросился обратно, на бегу всовывая наушник.

- Капитана - в центральный пост... - Раздался в наушнике голос, который капитан даже не узнал - настолько тот был искажённым от волнения. - Капитана - в центральный... - И – по закрытому каналу: - Капитана – в центральный пост. «Саламандра» ведёт бой с базой...

Проваливались в стены люки, выскакивающие люди на ходу застёгивались – экипаж разбежался по боевым постам. Вроде бы не быстро, но споро, без лишней суеты. Капитан держался в потоке. Очень хотелось прибавить, но тогда пришлось бы расталкивать других, которые тоже спешили не на прогулку. Наушник хрипел: «Саламандра» ведёт бой с базой...» Капитан влетел обратно в центральный и упал в кресло, на ощупь застёгивая ремни. Вахтенный, уже пристёгнутый, скомандовал:

- Капитан в центральном посту!

- Командование принял...

- Командование сдал.

- ...разворот на сто восемьдесят ровно, обстановку доложить на ходу! Механик на месте? Полный, Тамме, самый полный! «Рузвельту» - немедленно убрать «Валькирии», все убрать! Разрешаю задержаться до выполнения, «Свифту» и «Гордому» обеспечить прикрытие. Дайте картинку «Флокса» и связь...

Вскрикнули сирены, пол поплыл под ногами – флагман шевельнулся, разворачиваясь. Под полом взвыли генераторы искусственного тяготения, пытаясь смягчить перегрузку. Никто не спрашивал, куда движется эскадра, по тревоге окутанная пузырями силовых полей – всё было понятно и так. Только что с «Флокса» пришёл обрывок радиogramмы, которая больше была похожа на сигнал SOS: «Саламандра», не отойдя и на единицу, открыла по базе огонь. Больше ничего не поступало, картинки не было.

В центральном звучали приглушённые команды, которые капитан слушал одним ухом, прижимая ко второму наушник. В наушнике была тишина – эскадра беззвучно и организованно перестраивалась. На обзорном экране была только бесстрастная россыпь звёзд.

- Нет картинки, оптика не достаёт. Далеко слишком...

- Дай с прицельной, – вполголоса скомандовал второй навигатор.

- С неё и пытаюсь, не с ходовой же!

- И не берёт?

- Не берёт... С «Флокса» картинки тоже нет. Сигнал глушится.

Кто-то ещё влетел в центральный, спешно занял своё кресло. Весь пост был на местах по боевому расписанию. Через секунду чей-то бас посоветовал:

- А с телескопа?

- Там ни данных, ни сетки. Да ещё на ходу...

- А у нас и так никаких данных. Давай, давай...

Обзорный экран затуманился, изображение дёрнулось в сторону и резко придвинулось. На краю показалась крохотным паучком база. Пошло увеличение, база уплыла за край экрана, изображение дёрнулось ещё раз. Флагман набирал ход, корректируя курс. Данные на командирском пульте гласили, что скорость достигнет крейсерской только через сорок секунд. Масса покоя есть масса покоя, физику не обманешь... Капитан физически чувствовал, как уходят бесценные секунды. Хотя – он зло кольнул себя – что толку сейчас жалеть секунды, когда были упущены часы? Нельзя было уходить с «Флокса», нельзя...

Оператор всё-таки нащупал базу корабельным телескопом, и изображение появилось на экране, мутное на пределе увеличения. Естественно, ни координатной сетки, ни маркеров у телескопа не было, и край экрана, на котором обычно высвечивались данные, сейчас пустовал. Чернели и на дубли-мониторы на боевых постах, только бортовая информация шла исправно. Радары тоже работали, но понять по их показаниям, что происходит, было невозможно. Сдвоенная жирная точка в месте расположения базы «Флокс» разливалась зеленоватой мутью, как амёба, которая собиралась делиться.

- Ну, теперь антенны туда же, – снова прозвучал бас. – Все радиоканалы в центральный, попробуем отсортировать. И отстрой картинку, не видно ни зги.

По экрану побежала быстрая рябь, сквозь которую едва проступали контуры базы. Пoblёскивали огоньки. Когда картинка немного прояснилась, капитан увидел, насколько плохо дело. «Саламандра» не успела уйти далеко – висела с разбитой почему-то кормой возле второго пирса, очень медленно поворачиваясь в пространстве.

И лупила всем левым бортом по собственной базе.

Радужный пузырь силового поля вокруг «Флокса» прогибался в местах попаданий, пространство вокруг было усеяно обломками – наверное, поэтому радары давали такое количество помех. На миг в центральном повисла тишина, и кто-то справа от капитана пробормотал:

- Чёрт меня дер...

На него шикнули. Капитан попросил:

- Связь.

Связист ответил:

- Сейчас в эфире ничего, кроме сильных помех. Связь с эскадрой ведём направленным лучом. Есть фрагмент

пятиминутной давности с ближайшего спутника, успели дешифровать.

- Давайте.

В наушник капитану брызнули обрывки радиопереговоров.

- ...мандра», прекратить...

- ...уводи буксир, уводи!..

- ...здесь твори...

- ...потери на батарее, связи не...

- Это всё?

- Всё.

- Дайте эфир.

- Даю...

Капитан отдернул голову от хрипа наушника. Поверх этого шума лёг бесстрастный голос первого навигатора:

- Расчётное время до точки - восемь минут сорок, если не тормозить.

Капитан качнул головой. Он и так видел по приборам - Тамме дал всё, что мог.

- А если тормозить?

- До какой скорости?

- До нуля.

Навигатор мельком взглянул на него и отвернулся к своему пульта, замелькали над клавишами руки. Останавливать корабль, пусть даже огромный флагман, в зоне боевых действий и превращать его в неподвижную мишень казалось полной глупостью. Даже если эскадра прикроет. «Саламандра» сейчас ведёт огонь по всему, что находится вокруг - навигатор только что увидел, как одна из установок правого борта, до этого молчавшая, вдруг полыхнула нитями накала, и на краю экрана вспыхнула звёздочка: в зону обстрела попал спутник связи. Если эта штука с первого же попадания парой стволов выносит серьёзно защищённый, тяжёлый спутник, какая же у неё суммарная?..

Неподвижный флагман - не лучший выход. Капитан понимал это; но он понимал также, что «Флокс» долго не протянет, и хотел втиснуть «Независимый» между взбесившимся крейсером и базой, подставив собственный борт. Потом «Саламандру» можно будет оттеснить корпусом в пространство, подавить огонь, взять на бордаж, наконец. Но это всё потом. Флагману крепко достанется, но сейчас погибал «Флокс» - капитан видел, как одна за другой замолкают батареи; видимо, командир базы, поняв, что достать крейсер невозможно, перебрасывал остатки энергии на защитное поле.

- От восемнадцати до двадцати двух минут. Если в пределе - то четырнадцать-пятнадцать, не меньше. И то очень рискованно, покорёжит нас перегрузкой...

- Понял вас, - сухо сказал капитан. Время работало против флагмана. По мере приближения картинка становилась всё более отчётливой, и капитан видел, как пульсирует и прогибается от попаданий защитное поле «Флокса», почти обнажая дальние пирсы.

- Не протянет, - против воли сказал из-за соседнего пульта Санчес. - И пяти минут не протянет, у него уже генераторы садятся... А сейчас ещё носовые...

- Эсминцы послать? - спросил кто-то. - Они быстрее, могут успеть...

- Куда успеть? На убой? Он их выметет с одного залпа...

Центральный корпус базы до сих пор оставался в относительной целостности потому, что «Саламандра» была почти неподвижна. Носовые установки крейсера, работавшие в передней полусфере, сейчас смотрели в открытый космос. Но крейсер медленно, возможно по инерции, поворачивался, и через тридцать-сорок секунд, максимум минуту база должна была оказаться в зоне досягаемости носовых установок. Капитан прикинул, что трёх-четырёх залпов будет достаточно, чтобы окончательно смять защитное поле. Что будет потом, ему и думать не хотелось.

«Саламандра» всё-таки была современным крейсером, и не батареям «Флокса» было с ним тягаться. Просто чудо, что база ещё держалась. Что именно там произошло - капитан не хотел даже предполагать, для этого не было времени. Но на мятежника «Саламандра» не походила, уж мятежников-то капитан повидал. Чтобы так палить по всему, что находится в зоне досягаемости, нужно было свихнуться. Так свихнуться, что напрочь забыть о возможности ведения маневренного боя на дальних дистанциях и просто висеть под огнём, качая всю имеющуюся энергию из реактора прямым в орудийные установки. Капитану уже приходилось видеть такое.

Мутная картинка на экране снова подпрыгнула, мигнула, и на её место легло контрастное изображение с координатной сеткой - включилась прицельная оптика, флагман подошёл на расстояние поражения. В подробностях побоище выглядело ещё хуже, база вот-вот должна была попасть под огонь носовых установок «Саламандры».

- Отставить, - сказал капитан непонятно кому. Центральный пост затих. Стало слышно, как время от времени пробегает по полу непривычная вибрация - флагман шёл на пределе.

- Дайте прямой нешифрованный канал. Максимум частот. Максимум мощности на антенны... «Независимый» - «Флоксу», - сказал капитан и поморщился, услышав сквозь помехи в наушнике свой голос со стороны. - «Независимый» - «Флоксу». Персонал немедленно в укрытие. Всю энергию - на поле. «Независимый» - «Саламандре». Шеп... любой, кто меня слышит - эвакуируйте экипаж. Тридцать секунд, больше времени нет.

Он мельком глянул на старпома. Запершило в горле, но капитан мотнул головой и вытолкнул слова:

- Главный калибр, цель - «Саламандра». Рассчитать полное поражение, за точку прицела взять центр масс.

Санчес кивнул и сорвал опломбированную крышку с боковой панели своего пульта. Капитан увидел, что запульсировал и второй огонёк - механик снял свою блокировку. Капитану тоже откинул крышку и приложил к панели ладонь - второй раз в жизни.

Чак ещё раз пробежался взглядом по экранам. У него всё уже было готово - с момента подачи команды

прошло две секунды, а этого было более чем достаточно, чтобы нацелить обе башни и сосчитать мощность боевого заряда. Чак молился, чтобы не было ошибки - иначе вместе с сумасшедшим крейсером в огонь пойдёт и база.

Обзорный экран зажётся предупреждающими надписями, контур «Саламандры» подсветился. Под надстройкой зажглась яркая точка – центр масс.

- Огонь. - Центральный пост встретил команду гробовой тишиной.

Чак отчего-то зажмурился и толкнул педаль под пультом. Для него время остановилось, и он не почувствовал, что педаль уже упёрлась в стопор - продолжал давить изо всех сил.

Флагман вздрогнул. Для необстрелянных это было неожиданностью - никогда, ни при каких условиях «Независимый» не трясло. Перегрузки при маневрировании случались, генераторы справлялись не всегда. Конечно, в бою доставалось и флагману, два отсека хранили отметины от заделанных пробоин, но поколебать эту массу не могло даже прямое попадание планетарных батарей. Вот так, всем телом, корабль не вздрагивал никогда.

Рядом с базой «Флокс» беззвучно зажглось солнце. Протуберанцы едва не достали базу, которая осветилась до белизны. «Саламандра» словно провалилась внутрь себя, исчезая в топке аннигиляции. Оптика притушила вспышку, и распухающий шар уже не так резал глаза.

Капитан смотрел прямо в огонь, не мигая. За пару секунд до попадания он явственно увидел, как с правого борта «Саламандры» сорвались несколько аварийных капсул. Значит, Шеппард его услышал; значит, Шеппард был на связи. Но уйти капсулы не успели, оттуда невозможно было уйти.

- Санчес, - тихо позвал капитан, взводя блокировку на пульте управления главным калибром. - Будь любезен, доведи эскадру до базы, пожалуйста. Я пока просто посижу... Да, и перешли на мой терминал копию записей бортовых систем.

- Есть. - Ответил старпом, с трудом разжимая вспотевшие ладони. Рядом Чак осторожно поднял ногу с педали, и она толкнула его в подошву, возвращаясь в исходное положение.

- Тормози потихоньку. Пройди мимо базы на небольшом удалении, пусть «Рузвельт» сбросит пару «крестиков» и прочешет окрестности. - Капитан говорил негромко. - Экипажам - тяжёлые скафандры. Потом, когда развернёмся, нам понадобится челнок на «Флокс». Чак, отправись туда. Возьми с собой кого-нибудь из службы жизнеобеспечения, лучше - Тойчева...

- Понял. - Старший помощник, спохватившись, защёлкнул крышку бокового пульта и принялся работать. - Энергетикам - холостой ход, готовимся к торможению. Навигатор, считаем курс с удалением пять единиц...

Экраны потускнели. Видно было, как вспыхивают крохотные облачка - догорало всё, что осталось от крейсера. Посылать спасательные корабли, «крестики», в общем-то было бессмысленно.

Капитан поднялся из кресла, прошёлся по центральному посту. Попытался сосчитать, успел бы флагман к отходу «Саламандры», если бы время не было потрачено на рапорт. По всему выходило - всё равно не успел бы, но утешением капитан это не считал. Просто не надо было никуда выходить...

Челноку еле удалось состыковаться - автоматика основных шлюзов не работала, пришлось подойти к аварийному, но и он едва приоткрыл одну створку. Пилот с трудом, почти обдирая борта, протиснул челнок в шлюз. Стыковочный рукав навстречу не вышел. Чаку пришлось выбраться в скафандре наружу, несколько раз пнуть створку люка - открываться самостоятельно она не хотела. На помощь пришёл Тойчев, вдвоём они кое-как пробрались внутрь. Горели слабые аварийные светильники - видимо, в этом секторе вышибло генераторы и остальную электронику. За исключением освещения, других повреждений пока не было видно. Чак остановил пробежавших куда-то в тяжёлых скафандрах людей, спросил, где можно найти командира базы.

Лифты не работали. Пришлось двигать к аварийным выходам, которые на третьем ярусе оказались завалены деформированными конструкциями. Где-то стонал раненый. У Чака шевелились волосы под шлемом, когда он думал, чего могла бы стоить, допустим, ошибка в расчётах при выстреле из главного калибра.

Командира базы они нашли у медиков. Видимо, во время боя не все успели добраться до укрытий, и командир был в их числе. Медики суетились вокруг - нога была раздавлена в нескольких местах. Чак откинул забрало шлема и присел рядом. Командир был в сознании, Чака узнал сразу.

- Не понимаю, - говорил он заплетаясь от транквилизаторов языком. - Ничего не понимаю. Шеппард со старпомом были у меня перед выходом - как положено, шампанского принесли. Нормальный мужик... Отстыковались аккуратно, отошли на ноль четыре малым ходом. Потом ни с того ни с сего дали из кормовых, попали в сектор два. Батарея ответила - чёртова автоматика среагировала как положено, а потом понеслось... Вовремя вы подоспели, он бы нас угробил как пить дать... Буксир прямым попаданием, два сторожевика, батареи тоже накрыло...

- С борта принимали что-нибудь? - Чак чувствовал себя неловко, перебивая раненого.

- У связистов узнать надо. Должны были принимать. - Командир дышал тяжело, морщился, торопился договорить, но инъекции, видимо, делали своё дело. - У связистов. Сектор шесть, второй ярус.

- Ладно, ладно. Я найду. - Чак неуклюже поднялся, повернулся к белобрысому парню с нашивками врача. - Любая помощь, какая скажете. Эскадра уже здесь.

- Хорошо. - Парень говорил через плечо, возясь с портативной аптечкой. - В принципе, у нас почти всё есть, энергии только не хватает.

- Как только будет возможность, доставят аварийные генераторы. - Чак посмотрел на Тойчева. Тот кивнул, уже наговаривая что-то в микрофон.

У двери его окликнули.

- Да, слушай...

Он оглянулся. Командир базы приподнял голову. Видно было, что сейчас он отключится и торопится что-то сказать.

- Спасибо.

Чак как-то странно повёл плечом, и Тойчев увидел, что лицо офицера управления огнём заливают краска стыда.

Связистов они нашли быстро. Этому сектору не досталось, или перед выстрелом флагмана здесь успели отключить оборудование. Даже лампы горели, хоть и в полнакала. Лейтенант с ошалевшими глазами (видно, из необстрелянных) суетливо сделал копии записей систем, Чак тут же убрал кристаллы за пазуху, в нагрудный карман. Здесь больше делать было нечего – сектор работал с предельной нагрузкой, приводя к пирсам сыпавшиеся с кораблей эскадры челноки с людьми и снаряжением.

Чак оставил Тойчева в помощь здешним офицерам, сам вернулся в шлюз к челноку.

- Ну как там? – Пилот смотрел с надеждой.

- Да ничего. – Чак пристегнулся. – Могло быть гораздо хуже. Гораздо... Ладно, поехали домой.

Одна створка шлюза отошла полностью – база потихоньку приводила себя в порядок. Челнок выскользнул в проём и поплыл к висевшей неподалёку громаде флагмана.

Капитан просматривал записи у себя в каюте. Один из моментов прокручивал несколько раз с разным увеличением. Синхронизировал время и начал сначала, очень медленно. Смотрел на экран внимательно, не мигая. Остановил. Вернул немного назад, задумался. Над дверью прозвучал сигнал вызова. Капитан открыл, на пороге стоял командир связистов Вайс.

- Есть что-нибудь?

- Так точно. Правда, почти неразборчиво...

- Заходи.

Вайс прошёл к терминалу, вывел запись. Сквозь шум помех на всех частотах, которым окружила себя во время нелепого боя «Саламандра», пробился единственный импульс, почти на пределе мощности передатчика. Связисты, гоня запись взад-вперёд, по мере сил попытались отстроить сигнал от помех и сделать хоть немного разборчивей. Теперь капитан с Вайсом вслушивались, стараясь разобрать обрывки слов.

«...не...слу...таемся...отклю...кировки...само...огонь не давали! ...таемся...увести...нево...давите наши орудия! Гото...» Продолжительное шипение... и – после паузы: «...щита систе...потери...не подда...»

- Это всё?

- Всё. Вы позволите, сэр?

- Само собой.

- Из того, что я видел и слышал, - Вайс осторожно пожевал губами, - можно предположить, что автоматика крейсера действовала независимо от команды. И даже вопреки команде... Я такое видел, да и вы тоже...

- Да. - Вздохнул капитан. – Видел. «Тор». Команда ушла на аварийных капсулах, а корабль отстреливался.

Он прокрутил запись до конца, коснулся клавиш на панели:

- Старших офицеров прошу быть в малой навигационной через десять минут.

Офицеры собрались раньше – входя в навигационную, капитан своим появлением прервал негромкие разговоры.

- Джентльмены... - Он прошёл к проектору, прокашлялся. – Прошу вас объявить личному составу благодарность за отменную работу по боевой тревоге, формулировки – на ваше усмотрение. Давайте посмотрим записи, я их переслал сюда. Хочу услышать ваши мнения. Левин, будьте любезны...

Первый навигатор включил проектор, офицеры подошли ближе. Над пьедесталом проектора появилось изображение, поначалу мутноватое. Левин подправил что-то, картинка стала яснее. Это был вид с центрального корпуса «Флокса» на док, из которого выходила «Саламандра». На медленном повторе всё было видно в подробностях.

Вот заработали на холостом ходу маршевые двигатели. Уполз в недра пирса шлюзовой рукав. Вот дрогнули стопора, начали расходиться лапы, освобождая крейсер из цепких объятий – немного несинхронно, но «Саламандра» тут же подработала крен маневровыми – молодцы навигаторы у Шеппарда, успели. Слышны переговоры: «Вышли штатно, жду разрешения на малый». - «Красиво идёте. Примите градус вправо-вверх с вашей стороны». - «Понял, принимаю». Крейсер не спеша выплывает из дока, немного прибавляет ход, доворачивает на фарватер – очень аккуратно, грамотно. «Удаление ноль два, малый разрешаю». Из нижнего шлюза выходит челнок, идёт к пирсу. Это, кажется, лоцман возвращается с крейсера на «Флокс». Вот какая-то помеха на экране, челнок странно дёргается. От него отлетает что-то – может быть, кусок обшивки; кувыркаясь, летит обратно к крейсеру. Брони коснуться не успевают – «Саламандра» вдруг вспухает фиолетовыми разводами силового поля, обломок отбрасывает куда-то за пределы экрана. Канал связи мгновенно глохнет, забитый помехами. Поле стремительно расширяется, выходя на максимальный объём. Челнок, находящийся на самой границе «мыльного пузыря», отталкивается с такой силой, что тот сбивается с траектории. Беспорядочно поблёскивая двигателями - пилот отчаянно пытается стабилизировать кувыркающуюся машину, - летит в сторону второго пирса. Но удариться о пирс ему не суждено – развернувшиеся стволы с кормы крейсера внезапно дают залп по челноку, от крохотной птички остаются одни рассеянные обломки. Второй заряд проходит сквозь них, бьёт в пирс, сметая пришвартованный буксир. Батарея «Флокса», дёрнув стволами, немедленно отвечает, прямым попаданием доставая кормовую башню крейсера. Луч старой батареи расфокусирован, часть широкого тяжёлого пучка корёжит дюзы двух маршевых двигателей. Немедленно гаснут остальные. «Саламандра» оцетинивается стволами всего левого борта, экран освещается сполохами – начинается кошмар... Два сторожевых корабля «Флокса», находящиеся в охранении возле дальнего буя, открывают огонь по взбунтовавшемуся крейсеру, и через несколько секунд от них остаются медленно расходящиеся останки – «Саламандра» бьёт точно, насмерть, импульсами такой мощности, что хватило бы на небольшую луну...

Офицеры смотрели в молчании. У Санчеса подёргивалась морщинка возле глаза. Запись обрывалась, когда после выстрела «Независимого» сквозь мгновенно расплавившуюся оптику была ещё видна слепящая

белизна, заливающая всё вокруг. По просьбе капитана первый навигатор ещё раз прокрутил запись, в нормальном темпе. Дал послушать запись, подготовленную Вайсом.

- Ну что же, джентльмены, - капитан заложил руки за спину. – Вы всё видели и слышали. Конечно, эти записи ещё сто раз будут рассматриваться и прослушиваться в Адмиралтействе, но, полагаю, их выводы не сильно будут отличаться от наших... Несмотря на то, что они там знают что-то, чего не знаем мы. Прошу высказываться.

Офицеры пока молчали. Капитан был рад, что не ошибся в них - никто не произнёс глупых вопросов вроде «как такое могло случиться?», и никто не собирался обвинять команду Шеппарда в мятеже. Кажется, если не все, то многие успели составить верное представление о происшедшем.

- Кое-кто в штабе предполагал... – Первым начал Санчес, пытаясь гримасой удержать дёргающееся веко. – Эти сукины дети предполагали, или, по крайней мере, не исключали возможность того, что крейсер может оказаться параноиком. Поэтому они и убрали нас отсюда, чтобы мы в случае чего не сцепились.

- Вероятно. – Глухо ответил капитан. – Есть ещё мнения?

- Убрали не только нас, - испросив взглядом разрешения, подал голос Нуорссулайнен. – Насколько мне удалось узнать, двое суток назад с «Флокса» ушёл лайнер с частью гражданских специалистов. Внеочередной отпущ.

После паузы заговорил Чак, осторожно взвешивая слова.

- Сэр, крейсер всё равно сцепился – не с нами, так с базой. И мы вынуждены были его остановить... Жаль, мы не знаем, как действовал экипаж. По обрывкам фраз можно понять, что они пытались обесточить систему управления огнём...

- И не только, - заметил Вайс. - Если позволите, Левин – немного назад... Ещё... Достаточно. Вот здесь хорошо видно, что экипаж пытается отключить силовое поле – поначалу не сегментами, а всё целиком. Автоматика тут же выровняла интенсивность, тогда они обесточили здесь и здесь. Видимо, они решили подставить крейсер под огонь, чтобы батареи «Флокса» подавили корабельные орудия. Может быть, надеялись сохранить корабль.

- А почему не попытались уйти? – Спросил кто-то.

- Неразумно. – Тут же откликнулся механик. – Они поняли, что у них разбиты дюзы, но не знали, какие и насколько. В таких случаях без внешнего осмотра свести факел невозможно, а давать ход наугад – почти наверняка пустить реактор вразнос... Осталось бы пепелище. И от «Флокса» тоже... Полагаю, они сделали, что могли. И мы сделали, что могли.

- Вы – да. – Отозвался капитан. – А вот я – нет.

В ответ на вопросительные взгляды он поднял руку:

- Я бы хотел сказать ещё вот что. Джентльмены, незадолго до выхода «Саламандры» из дока я подал срочный рапорт на имя командующего. Я обосновывал, почему считаю крейсер входящим в строй Второй эскадры до проведения испытаний, и настаивал на задержке выхода. В случае несогласия с моими доводами и выхода крейсера из дока я просил командующего принять мою отставку. Пожалуй, с моей стороны это была попытка шантажа. Попытка не удалась. Уведомление о доставке рапорта я получил. Крейсер вышел. Стало быть, отставка принята. Формально я уже не командир...

Ему пришлось ещё раз поднять руку, чтобы добиться тишины.

- ...с данной минуты обязанности командира эскадры исполняет капитан второго ранга Санчес. Кроме того, - он помедлил, продолжил намеренно сухо. - У меня были основания полагать, что с крейсером не всё в порядке... но я не принял их в расчёт, решил, что обойдётся. Не обошлось. Считаю себя полностью ответственным за происшедшее, готов ответить перед Адмиралтейством. Полагаю, они ждут не дождутся возможности задать мне несколько вопросов... Как, впрочем, и я им... Убываю через час. Все свободны. Рад был служить с вами, джентльмены...

Капитан сдал командование эскадрой старшему помощнику, попросил его связаться с «Рузвельтом» и выяснить возможность содействия в доставке на околоземную станцию одного пассажира. Всё это время он пытался избежать разговоров с офицерами. На какое-то время пришлось отключить коммуникатор и заблокировать люк в каюту – сигнал вызова мигал беспрестанно. Капитан позвал Джок, который, казалось, ждал за решёткой вентиляции.

- Ну что, пройдох ты этакий... Давай прощаться.

Джок демонстративно зевнул. Вообще-то, насколько капитан знал, крысы не умеют зевать, но у Джок получилось очень похоже.

- Чего это вдруг?

- Не притворяйся, что не знаешь. Слухи у нас расходятся со второй космической скоростью.

Джок перестал кривляться.

- Ну, знаю. И что теперь? Скатаешься на Землю и вернёшься.

- Начальству виднее, - горько усмехнулся капитан. – Да, и знаешь что? Ты был прав тогда...

- Когда?

- Когда сказал, что «Саламандра» - плохой корабль. Ты был прав. А я ведь, дурак, тебя не послушал. Надо было вернуться на «Флокс» и задержать выход. И надо было поселить на крейсер кого-нибудь из твоих, они быстро бы нащупали, что в системе не так...

- Шеф, - очень серьёзно сказал Джок. – Это был плохой корабль. Очень плохой. Там нельзя было находиться. Я пробежался под второй палубой, заглянул в центральный, даже на камбуз заглянул – везде одно и то же. Никто из моих не согласился бы там жить по доброй воле. Там было плохо, очень плохо.

- Можно подумать, теперь лучше, - размышляя о своём, продолжил капитан. – Сто шестьдесят восемь человек, не подозревающих, что с минуты на минуту им придётся воевать с собственным крейсером. Видеть, как орудие в твоих руках стреляет по своим... И ждать, пока не подойдём мы. И, наверное, надеяться, что мы что-нибудь придумаем... И мы придумали. Спалили их дотла.

- Шеф, - тихо попросил Джок. – Не надо, а? Ну не надо, пожалуйста.

- Ладно. – Капитан поднялся. – Не буду. Я своё уже сделал. Знаешь что... В общем, будь здоров. И помни, что ты

был прав. Вместо меня будет Санчес, он тебя слушает внимательнее, чем я. Всё. Иди.

- Ну и ладно. – Джок отвернул морду в угол. – И пойду. Только ты там долго не задерживайся, погостишь – и давай домой...

Несущий крейсер «Рузвельт» изъявил готовность помочь всеми имеющимися средствами. Капитан мягко, но настойчиво попросил одну «Валькирию» со свободным местом стрелка, и желательно без сопровождения. Спустя четырнадцать минут «Валькирия» стояла в гостевом шлюзе. Капитан, втискиваясь в скафандр, отводил глаза - ребята из причальной команды заглядывали в лицо, словно хотели сказать что-то. Но никто ничего не сказал, кроме обязательных фраз, и капитан был благодарен им за это.

Топая по стыковочному рукаву, капитан кожей чувствовал, как смотрит ему в затылок сопровождающий лейтенант. Подошли к люку «Валькирии», и капитан понял, что его провели: на люке красовались цифры «ноль один», это была машина командира «Рузвельта». Он повернулся раздражённо, зыркнул на лейтенанта, словно тот был в чём-то виноват, и обречённо полез в люк.

Радж Леннарт, старый друг, невозмутимо наблюдал, как капитан усаживается на место стрелка, справа от пилотского. Лейтенант с «Независимого» помог пристегнуться и остановился в ожидании. Радж кивнул ему, поднял вверх большой палец в перчатке, и лейтенант заторопился, козырнул и с трудом принялся выбирать «Валькирия» внутри и для двоих была тесновата.

Капитан дождался, пока задраится люк, потом раздражённо ткнул пальцем в сенсор внутреннего переговорного устройства:

- Ну и что это за выходки?

- Шеф, разве я доверил бы тебя кому-нибудь из молодых? Нет уж, сам довезу. - Леннарт немного пошевелился, что можно было истолковать как пожатие плечами под скафандром.

- Я смотрю, эскадра пошла вразнос. - Капитан исподлобья смотрел на капитана. - Полная анархия. Командовать некому, все норвят разжаловаться.

Створки шлюза начали медленно раскрываться.

- Отставить разговоры. - Командир «Рузвельта», а в данный момент пилот «Валькирии» положил руки на органы управления. - Стрелку - доложить готовность. Старт по команде «Независимого», расчётное время - тридцать секунд. «Валькирия» «ноль-один» - «Независимому»: двигатель на режиме, основные системы на режиме, готовность к старту минус двадцать семь...

Капитан хотел было сказать ещё что-то, но поймал себя на том, что руки уже выполняют полузабытые с курсантских времён действия. Обзор боковых полусфер - есть, кормовой обзор - есть, системы ведения огня - взведены, на предохранителе, доложить пилоту готовность, резервные системы - активированы, на предохранителе... Капитан потратил несколько минут на то, чтобы хоть немного восстановить навыки многолетней давности. Для боевой машины не существует оправданий, сел в кресло - изволь соответствовать. Капитан почти не почувствовал, как Радж набрал тягу. Старики не любят рвать с места так, чтобы трещали переборки. Это забава для молодых, горячих... и неопытных. «Валькирия» выходила за пределы боевого охранения по плавной гиперболе. Капитан краем глаза отметил участки темноты, сквозь которые не проникал даже звёздный свет - там находились сторожевики. На покинутый флагман он старался не смотреть.

Радж вёл спокойно, разговорами не досаждал, и капитан, немного освоившись, сказал:

- Ладно, давай тащи сюда ведомого. Зрение он у тебя испортит - всю дорогу в выхлопе болтаться.

Леннарт покосился на стрелка и недовольно буркнул:

- «Ноль первый» - «ноль четвёртому»: строй - левый уступ, расстояние... на усмотрение. - И, переключившись на внутреннее, спросил с досадой: - Как же ты его разглядел, а?

- А я его не видел. - Капитан, занятый своими мыслями, отвечал неторопливо. - Но он должен был быть, знаю я тебя. Кстати - мы так и будем тащиться всю дорогу?

Командир «Рузвельта», несмотря на просьбу капитана (это звучало именно как просьба, а не как приказ - «без сопровождения»), всё-таки взял с собой ведомого. Чтобы не попадаться капитану на глаза, ведомый шёл точно в кильватере, прячась за выхлопом ведущего. За пределом видимости пассивного радара шёл ещё и малый сторожевой корабль в режиме «тень», и Леннарт поддерживал одинаковую с ним скорость. Теперь предстояло от него оторваться. Командир сказал надо - значит, надо, сторожевик придётся оставить. Запас топлива его не беспокоил - Леннарт заранее договорился с командиром Первой эскадры. «Нахимов» выслал заправщик, до точки встречи четыре часа ходу.

- Ладно, прибавим...

Капитан только кивнул. Больше он за всю дорогу не произнёс ни слова - ни при дозаправке, ни на подходе к Луне. Леннарт видел, что он не дремлет - время от времени шевелит руками, касаясь органов управления. На дозаправке, где стрелку отводится основная роль, отработал аккуратно, но очень медленно - видно было, что вспоминает по ходу дела. Шестичасовой перелёт перенёс без единого звука. «Валькирия» уже стыковалась с орбитальной станцией, когда Леннарт решил его потревожить:

- Шеф...

- А? - Совсем не по-военному отозвался капитан, занятый своими мыслями. - Извини, Радж. Задумался.

- Шеф, возвращайся скорее.

Капитан замаялся, хотел что-то сказать, но передумал, неуклюже махнул рукой и полез в люк.

На станции он сдал скафандр пожилому сержанту-механику. Сержант смотрел сочувственно, и капитан подумал с горечью, что летай хоть со скоростью света - а плохие новости всегда распространяются быстрее. Он сделал необходимые отметки в документах, подхватил чемоданчик, козырнул и вышел в гражданский сектор.

Юноша за стойкой отвечал подробно, время от времени сверяясь с экраном. Капитан может лететь прямо сейчас - челнок на Пекин стоит в четвёртом шлюзе, отправление через восемь минут, есть свободные места. Нужно в Женеву? Из Пекина нет прямого рейса, но можно добраться кругосветкой с посадкой в Милане или континентальными линиями. Впрочем, быстрее получится, если дождаться европейского челнока - он прибудет

через час десять, через час сорок пойдёт обратно, посадка в Висбадене. Капитан кивал, чувствуя себя неловко - мундир измялся под скафандром, надо было взять запасной и переодеться в военном секторе. Пришлось поступить по-другому - поблагодарив юношу, капитан отошёл в сторонку, снял мятый китель и перекинул его через локоть. Быстро пересёк зал и вышел к лифтам, ведущим на шлюзовую палубу. Средние двери распахнулись, и капитану пришлось отступить в сторону - из лифта с гомоном хлынула ватага школьников, летевших с экскурсией на лунную обсерваторию. Зал ожидания сразу стал похож на разноцветный растревоженный муравейник. Капитан сочувственно кивнул сопровождающим парню и девушке - если лунный челнок задержится хотя бы на пять минут, то жертв и разрушений избежать не удастся. Обсерватории можно только посочувствовать.

На шлюзовой палубе капитан присел в углу возле информационной консоли, достал старенький коммуникатор (служебный оставил на «Независимом») и принялся за работу. Прибывали и отправлялись челноки, люди высыпали из дверей и исчезали в них, словно волны выкатывались на морской берег. Палуба ненадолго пустела, чтобы через несколько минут вновь наполниться шумом голосов и спешащими пассажирами. Иногда капитан поднимал голову, вглядывался в лица проходящих мимо людей, и снова тыкал пальцами в консоль. Через час двадцать работа была закончена. Капитан поднялся, критически осмотрел помятый китель, вздохнул и снова перекинул его через руку.

В шлюзе уже толпились ожидающие посадки пассажиры. Капитан дождался, пока пройдут вперёд самые нетерпеливые, и позволил стюардессе провести его в салон.

- Извините, я, наверное, заняла ваше место. Мне так хотелось посмотреть в иллюминатор...

Старушка в какой-то пёстрой накидке смотрела на него с лукавой улыбкой. Видимо, этот фокус всегда ей удавался; удался он и сейчас. Капитан, естественно, предложил ей остаться, а сам занял её место возле прохода. «Интересно, - подумал капитан. - Сколько же ей лет, если она называет мониторы иллюминаторами?» Вслух он, конечно, ничего не сказал. Струшка поблагодарила «молодого человека» за оказанную любезность, капитан кивнул и прикрыл глаза.

По проходу между креслами из кабины шёл второй пилот челнока, привычно оглядывая пассажиров. Возле капитана он замедлил шаг, присмотрелся внимательнее.

- Сэр?

Капитан поднял голову.

- Прошу прощения, сэр. У нас в кабине есть свободное место, мы иногда разрешаем кому-нибудь из пассажиров... Я хотел сказать - вы могли бы провести полёт с экипажем, сэр.

Капитан оглядел пилота. Конечно, форма пассажирского флота гораздо красочнее обычной военной, но если на этого парня примерить тёмную рубашку или скафандр...

- Мы встречались раньше?

- Нет, сэр. Мой отец был с вами на Рее, сэр.

- Ну да, конечно...

Упрямый взгляд, выступающие скулы и характерно приподнятая левая бровь. Конечно, у сына черты лица мягче, волосы светлее. Капитан не решился спросить, жив ли отец. Пилот ожидал ответа, чуть наклонив голову, и этот жест тоже был капитану знаком.

- Благодарю. Не думаю, что я чем-то могу помочь экипажу, - капитан развёл руками. - Но мне кажется, что вон тот юный джентльмен (он подмигнул мальчишке с соседнего ряда, который жадно прислушивался к разговору) был бы очень раз возможности посмотреть, чем занимаются в космосе мужчины.

Пилот кивнул.

- Как скажете, сэр. В любом случае кабина для вас всегда открыта. Ну что, молодой человек, - он повернулся к мальчишке. - Хотите увидеть работу экипажа челнока?

Мальчишка покраснел до ушей, вскочил с места и покосился на мать, сидевшую рядом. Женщина благодарно улыбнулась пилоту. - Если он будет мешать, только скажите.

- Я не буду мешать! - Мальчишка надул. - Я же понимаю всё... Куда следовать, сэр?

- За мной в кильватере. - Второй пилот ещё раз оглянулся на капитана, кивнул и направился в кабину. Мальчишка важно проследовал за ним, возле створки обернулся и показал капитану язык.

Всю дорогу до Земли капитан словно дремал с открытыми глазами. Старушка показывала ему что-то в иллюминаторе, он согласно кивал, думая о своём, и пришёл в себя только тогда, когда вышел из челнока на горячие плиты лётного поля. Налетевший утренний ветер надул пузырьком рубашку, пробежался по коротким волосам.

Капитан остановился на секунду. В космосе не бывает ветра. Кондиционированный воздух ровным потоком поступает из систем вентиляции, а любое дуновение расценивается как признак утечки. Капитан попытался вспомнить, как ощущался ветер в детстве - и не смог вспомнить. В детстве голова занята совсем другими, гораздо более важными вещами, чем какой-то ветер.

Капитан неловко улыбнулся, дегустируя запахи зелёной планеты. Мальчишка, который провёл рейс в кабине экипажа, помахал ему рукой. Капитан кивнул в ответ и зашагал к зданию порта.

В Женеву он прибыл в половине девятого. Гостиница после военного корабля казалась чересчур просторной, а потому полупустой. Капитан побродил по номеру, открыл настежь все окна и отправился в ванную. Форму сложил в прачечный автомат, начисто выбрился и отправил несколько запросов через гостиничный информатор.

У капитана не было семьи. Вернее, не было семьи в понимании большинства людей, но одиноким он себя никогда не чувствовал. Младший брат занимался океанологией Южного полушария, кочуя с женой и двумя детьми с одного побережья на другое. Они с капитаном редко обменивались сообщениями - по укоренившейся привычке считая, что отсутствие плохих новостей само по себе хорошая новость. Капитану хотелось увидеться с братом - после того, как закончит дела.

Без семи минут десять по местному капитан, привычно откозыряв флагу, взбежал по ступеням Адмиралтейства в Женеве. Пришлось вспоминать, как правильно воспользоваться пропуском - слишком давно он здесь не был. Десантники возле турникета уже начали ехидно улыбаться, глядя на бестолкового флотского. В приёмную командующего он вошёл, не докладываясь, без двух минут десять.

Приёмная была полна - на десять ровно было назначено еженедельное оперативное совещание. Среди флотских мундиров виднелись тёмно-зелёные кители офицеров планетарных войск. Большинство, конечно, уже знало о случившемся. Стихали разговоры, головы начали поворачиваться в его сторону. Кто-то - капитан не разглядел, кто - сделал шаг ему навстречу, кто-то поднял руку в приветствии. Капитан только кивнул - сейчас ему было не до того. Среди прочих он увидел Саровски и поправил курс на два румба влево. Не сбавляя шага, он миновал группу офицеров, которые расступились перед ним, как перед ледоколом, подошёл и молча дал контр-адмиралу в морду. Саровски потерял равновесие, повалился набок, попытался ухватиться за локоть стоящего ближе других - но офицер брезгливо повёл плечом, убирая руку, и контр-адмирал рухнул на журнальный столик, подняв кучу пластиковых брызг. В наступившей тишине капитан подошёл к двери командующего.

Адъютант мгновенно решил, что лучше потом получить нагоняй от начальства, чем немедленно попасть под горячую руку командира Второй эскадры, и распахнул дверь.

Капитан отдал честь на пороге и направился прямо к столу. Дилинджер стоял у окна в дальнем углу кабинета, заложив руки за спину. Когда открылась дверь, он только повернулся, не меняя позы, и теперь молча смотрел, как капитан выкладывает на полированную поверхность стола всё, что привёз с собой. Казалось, командующий ничуть не удивился присутствию капитана, который в данный момент должен был находиться очень далеко отсюда.

Привезённого было немного. Капитан выкладывал на стол кристаллы, и каждый из них касался столешницы со стуком, раздающемся в тишине, как тиканье старинных механических часов. Первым был кристалл с записью боя из архива «Независимого». Вторым - кристалл с копией отчёта систем обороны базы «Флокс». Третьим - дубликат рапорта об отставке.

Капитан сделал шаг назад, козырнул, повернулся через левое плечо и вышел из кабинета. Командующий не шевельнулся. Только когда капитан выходил, Дилинджер вздохнул ему вслед - впрочем, капитан этого уже не слышал.

В приёмной было очень тихо. Боковым зрением капитан увидел Саровски, уже поднявшегося из развалин столика и зажимающего разбитый нос, и с трудом подавил желание повторить манёвр. Никто не препятствовал капитану, и он прошёл к выходу мимо офицеров, расступившихся перед ним.

В гостинице он долго мыл руки.

Оставались ещё дела, которые капитан считал первостепенными.

Аэротакси он отпустил в пригороде Ванкувера. Ещё по дороге начал накрапывать дождь, и капитан задумчиво смотрел вперёд сквозь стекло, по которому растекались капли. Такси шло прямо под нижней кромкой облачности.

Город подружился с лесом, превратив беспорядочные заросли в аллеи. Домов на улочке было достаточно, но капитан, не колеблясь, направился ко второму по правой стороне. Шеппард как-то рассказал ему, как здорово жить в старом доме - конечно, не так комфортабельно, как в современном, но зато удивительно приятно. Дом выглядел приземистым по сравнению с соседями, взметнувшимися вверх разноцветные башенки. Зато, кажется, он был обшит настоящим деревом; из трубы поднимался еле заметный дымок - видимо, топили старомодный камин, капитан где-то читал о том, как это делается.

Налетел резкий порыв ветра, с шуршанием понёс по улице опавшую листву. Капитан подошёл к двери, снял фуражку и понял, что совсем забыл, каким бывает дождь на планете. Холодные капли скатывались по коротко стриженным волосам, липли к коже, словно пытались согреться, и растекались по мокрому воротнику форменной рубашки.

Капитан немного помедлил, прежде чем нажать кнопку вызова. Поднял голову, подставляя лицо дождю. Осень пришла на северное полушарие, пришла неотвратимо, и эта холодная неотвратимость подтолкнула капитана. На вызов никто не отозвался, он переступил с ноги на ногу и нажал кнопку ещё раз. Дверь открылась странно - не ушла в стену, как это обычно бывает, а распахнулась вбок, словно была закреплена на шарнирах с одной стороны. В дверном проёме стояла совсем молоденькая темноволосая женщина, больше похожая на подростка. Она смотрела на капитана снизу вверх, смотрела с вызовом - совсем не так, как ожидают добрых новостей. Капитан колебался - жену Шеппарда он не знал в лицо и никогда не видел на стереографиях. Но натолкнувшись на взгляд, полный безмолвной решимости, понял, что это она, и что ей, конечно, всё уже известно: он был явно не первым военным, приносящим плохие вести. Он сказал, глядя прямо в покрасневшие глаза: - Здравствуйте, миссис Шеппард. Я - тот, кто убил Стивена.

У капитана было записано сто шестьдесят восемь адресов, и он побывал везде. Принимали его по-разному. В четырёх местах с ним отказались разговаривать, просто не впустили в дом - и он уходил, оставляя данные, по которым с ним можно было связаться. Иногда его осыпали проклятиями, и он терпеливо сносил их. Чаще встречали отстранённо и холодно, но понемногу разговор завязывался, и капитану приходилось рассказывать и разглядывать семейные стереографии - так, словно он был не убийцей, а просто сослуживцем в отпуске. Понемногу капитан понял, что Земля с самого начала не очень-то верила, что кто-то из них вернётся; провожая, прощались почти навсегда. Отчасти это было правдой - отпускники и отставники, возвращавшиеся домой, иначе двигались, иначе говорили и иначе думали. Но там, в космосе, они постоянно чувствовали ниточку, связывающую их с Землёй - а вот Земля отпускала эту ниточку сразу, едва челнок отрывался от плит космодрома. Так ребёнок, заигравшись, случайно отпускает в небо воздушный шарик - и с горьким изумлением смотрит вдогонку, понимая, что вернуть уже ничего нельзя.

Трудно пришлось в одном мексиканском городке, где полуслепая, выжившая из ума старуха приняла его за собственного сына, наконец-то вернувшегося домой. Она не хотела слушать ничего из того, что он говорил, только ощупывала его лицо дрожащими сухими ладонями. Ему пришлось прожить там сутки, пока не приехал брат убитого им старшины.

Капитан чувствовал, что устал – каждый следующий визит давался всё большим трудом. В космосе было гораздо проще... Хуже всего пришлось в Шотландии. Это был сто шестьдесят второй адрес в списке. Дремучий старик открыл дверь, провёл его в пустой дом, усадил за стол и молча слушал, пока капитан говорил. За всё время он не проронил ни слова, только смотрел куда-то сквозь капитана, шевелил кустистыми бровями, и капитан даже не знал, слышат его или нет. Было трудно ещё и потому, что какое-то время старший лейтенант МакКой служил под его началом на «Независимом». Когда капитан окончательно выдохся, старик поднялся, не говоря ни слова, и, шаркая, направился к лестнице – капитан увидел, как шевелятся под рубашкой широкие костлявые плечи. Капитан не знал, что делать дальше. Он посидел немного в одиночестве, соображая, не пора ли уходить, когда с лестницы раздались шаги. Старик спустился, держа в руках пыльную бутылку. Плеснул в стакан, подвинул через стол и хрипло сказал: «Пей». Капитан поднял на старика совершенно больные глаза, и старик повторил: «Пей, парень. Это нужно».

Капитан не стал спорить – просто поверил, поднял стакан и проглотил содержимое, как пьют лекарство, прописанное корабельным врачом. Спустя минуту тёплая волна, поднимавшаяся откуда-то изнутри, мягко стукнула его по затылку. Старик не спеша продолжал: «Я бы рад был составить тебе компанию, да уже не могу. Но, – он наставительно поднял вверх палец, – тебе это мешать не должно». Горький напиток, пахнувший зерном и дымом, согрел капитана.

Старик повёл капитана на веранду второго этажа. Вечер уже перетекал в ночь, и капитан смотрел, словно впервые, как солнце опускается за горы. Он так давно не видел, какой бывает вечерняя заря на планете, что стоял замерев, вцепившись в перила. Вернул его обратно голос старика: «Выпей, парень». Капитан обернулся. Старик снова держал налитый стакан. «Грег вот так же глазел на закат. Его было силой не загнать в дом, пока у него глаза не слипались. Бывало – и засыпал здесь, прямо под звёздами... Ты пей, и если хочешь – послушай старика. Ведь он был не сын мне – внук... Знаешь, как говорят? Первый ребёнок – последняя игрушка, а первый внук – первый ребёнок. Его родители погибли давным-давно, ему и десяти не было... Пей, парень. – Старик говорил так, как уже давно не говорят – неторопливо подбирая ёмкие слова и тщательно выговаривая их с лёгким акцентом. – Не верь тому, кто скажет, что в одиночку пить стыдно. Стыдно только тем, кто боится оставаться наедине с самим собой; добрый напиток – он как зеркало, проявляет и проясняет всё то, что человек хотел бы утаить от себя самого, ты мне поверь, я ведь кое-что о жизни знаю...»

И капитан пил и слушал старика, а когда не стало сил – уснул на невысоком табурете, прислонившись к перилам, уснул со странным облегчением прямо под звёздами. Старик сходил в дом, вынес клетчатый плед и укрыл капитана, а сам уселся в кресло напротив.

Наутро тело побаливало оттого, что спать пришлось в неудобной позе, но гораздо больше ныло внутри: сидящий в кресле старик так и не проснулся, и капитан судорожно тыкал пальцами в коммуникатор, вызывая ближайшую медстанцию. Когда прибыл санитарный вертолёт, капитан сидел рядом с креслом. Старик, годившийся ему в отцы, а может быть – и в деды, накануне сумел рассказать капитану что-то такое, от чего внутри саднить не перестало, но – боль стала иной, щадящей, почти терпимой... Не осталось никого из МакКоев, кому он мог бы вернуть хоть часть этого долга.

У капитана больше не осталось дел. Адмиралтейство молчало. Капитан связался со штабом сам. Офицер у коммуникатора был терпелив и немногословен: на имя капитана не поступило ни распоряжений, ни предписаний. Да, в Адмиралтействе есть его координаты. Да, с ним обязательно свяжутся, когда возникнет необходимость. Нет, результатов по рапорту пока не было.

В гостинице капитана посетила мысль переодеться в гражданское. Пришлось пройтись по магазинам, но разведывательный рейд ничего не дал – он даже не мог толком объяснить, что ему нужно. В этом сезоне царила мода на глубокие ретро – камзолы апельсиновых расцветок с дутыми на плечах рукавами повергали капитана в шок. Тогда он подошёл к делу иначе: заказал на гостиничный визор каталоги и провёл пару часов, педантично отмечая более-менее подходящее. Связался со службой доставки и продиктовал каталожные номера. «Надеюсь, вам нравятся эти вещи, – сказала с экрана визора задорная китайка. – Но если позволите высказать мнение, они больше пошли бы... ну, скажем, отставному военному». Капитан, расхаживавший по номеру с коммуникатором в руках, остановился прямо перед камерами визора, растерянно глядя на экран. «Ага, – сказала девушка и залихватски приложила ладонь к непокрытой голове. – Прошу прощения, сэр. В течение двадцати минут заказ будет на месте. Всего хорошего!» Капитан только развёл руками.

Переодевшись, он набрал номер брата, который получил от информатора ещё неделю назад – и через несколько часов сошёл на лётное поле в Новой Зеландии, окончательно перепутав часовые пояса. Несмотря на ночь, было жарковато, и капитан, немного поколебавшись, махнул рукой и расстегнул верхнюю застёжку на рубашке. Брат отпустил бороду и обзавёлся ещё одним сыном. Они крепко обхватили друг друга, и капитан почувствовал, что младший стал шире его в плечах. Жена с детьми стояли поодаль – несмотря на ночь, такое событие никто не захотел пропускать. Особенно племянники, которые тут же облепили капитана. Через несколько минут капитану казалось, что их вдвое больше, чем есть на самом деле. В глубине души он им позавидовал, вспоминая стеснительное детство.

– Представляешь, какая незадача, – говорил брат в такси. – Завтра в два нас ждут в Чили. Там прямо на побережье попадаются любопытнейшие экземпляры (тут он выговорил что-то совсем непонятное), если мы опоздаем к концу сезона, придётся ждать целый год. Ты надолго?

Простой вопрос поставил капитана в тупик. Он понятия не имел, надолго ли он здесь.

– Ну, я не знаю... – выдавил он и почувствовал всю нелепость фразы. Флотский никогда так не скажет. «Да какой я к чёрту флотский, – резко подумал капитан. – Сначала тянул время, потом глупо опоздал, а в довершение всего

отправил на тот свет сто шестьдесят восемь человек, пытаюсь исправить собственную ошибку – и это если не считать потерь на «Флоксе», которых тоже не должно было быть...»

- Ну и хорошо! - Просиял брат. - Мы поселим тебя здесь, а сами вернёмся месяца через полтора. Надеюсь, тесно тебе не будет...

Тесно и быть не могло - капитан едва сумел разглядеть углы отведённой ему комнаты. Поворочавшись с боку на бок, он передвинул здоровенную кровать вплотную к стене и наконец уснул. Рано утром брат, мечтавший показать ему земную экзотику, предложил выйти на яхте – благо что дом стоял на океанском побережье.

К стыду своему, через двадцать минут путешествия капитан почувствовал себя отвратительно. Брат забавлялся, глядя на побледневшего капитана. «Флот! - кричал он. - Вы поглядите на флотского офицера, который не знает, что такое качка!» Капитан мотал головой, пытаюсь удержать внутри завтрак. Густо-зелёные океанские волны равномерно накрывали судёнышко. В космосе не бывает качки. Невесомость и перегрузки есть, но качки-то не бывает никогда.

Присев на песок, он долго собирался с силами, пока вестибулярный аппарат не пришёл в норму. Брат сидел рядом, поглядывая на капитана со снисходительной улыбкой. Потом поднял его и потащил в дом, пообещав никому не рассказывать.

После шумного обеда подошла пора прощаться, и через полчаса капитан опять остался один на пороге, провожая взглядом аэротакси. Люди путешествовали теперь с той же лёгкостью, как несутся по ветру семена одуванчика.

Он немного побродил по опустевшему дому. Заглянул в детскую. Впрочем, вряд ли её можно было назвать детской - судя по тому, что находилось вокруг, люди здесь жили здесь вполне взрослые и самостоятельные. Капитан повертел в руках модельку «Байконура» - и уважительно положил на место. Модель была подробнее той, что когда-то была у него.

Впервые за многие годы капитан не знал, чем ему заняться. Он по привычке просыпался в пять тридцать по местному, босиком пробегал по песчаному берегу десяток километров. К воде привыкнуть так и не смог, хотя научился заставлять себя плавать по двадцать-тридцать минут. Организм, когда-то без труда свикшийся с невесомостью, теперь протестовал против качки на волнах.

Капитана никто не тревожил. Было несколько сообщений от семей погибших на «Саламандре», капитан добросовестно отвечал. Дважды приходили приглашения совершить туристическую поездку на Луну - видимо, по ошибке. Адмиралтейство пока молчало, но капитан чутьём опытного военного понимал, что это ненадолго - просто время ещё не пришло. Неожиданно пришло сообщение от Джойса ван Стайна, преподавателя капитана ещё по академии. Он давно вышел на пенсию по ранению и теперь служил консультантом в ведомстве Дальней разведки. Старый чёрт всегда был в курсе всего на свете. Каким-то образом он пронюхал про мордобой в приёмной командующего флотом и теперь сообщал, что проект «Саламандра» закрыт и разбирается по косточкам, Саровски после выписки из госпиталя куда-то забрали, и явно не на повышение, но это ещё не конец – Адмиралтейство наконец взялось за ум и затребовало максимум данных по проекту; видимо, будут далеко идущие выводы.

В данный момент ван Стайн застрял на форпосте за Сатурном, и, видимо, надолго, так что - домик на берегу Балтийского моря находится в полном его, капитана, распоряжении. Код доступа к домашнему коммуникатору и карта местности прилагались. Капитан пошевелил губами, пытаюсь выговорить название населённого пункта, не сумел, бросил и ушёл варить кофе. Достаточно было того, что он научился выговаривать фамилию своего главного механика.

Кофе он теперь варил сам, почувствовав в этом занятии вкус. Ван Стайн намекал, что в Дальней разведке всегда найдётся место профессионалу, но капитан пока не хотел об этом думать. Он вообще на какое-то время запретил себе думать о будущем - достаточно было свежесаднящего прошлого.

С соседями он едва перебрался несколькими словами во время прогулок, зато неплохо изучил окрестности. Часто усаживался на холме возле монорельсовой дороги, наблюдая за пронесшимися вагончиками. Сначала он ещё ждал вызова в Адмиралтейство, потом перестал – пусть всё идёт как идёт.

Изредка налетал шторм – как раз был сезон. О непогоде, как правило, сообщали заранее. Капитан выходил к океану в дождевике и подолгу стоял, глядя, как стихия наводит на побережье свой, отличный от человеческого, порядок. Океан темнел, ярился, ветер рвал полы дождевика. Капитан с удивлением наблюдал за происходящим; иногда он не верил, что родился на этой планете.

Вечно такая жизнь продолжаться не могла. Однажды, где-то через месяц с момента его появления здесь, капитан проснулся с ощущением, что каникулы закончились. И в самом деле, на коммуникаторе были два сообщения. Адмиралтейство извещало капитана первого ранга, что отставка не принята, отлучка приравнена к отпуску, который истекает через несколько дней. Приказ предписывал прибыть в указанный срок за дальнейшими распоряжениями.

Второе сообщение было от Сильвии Шеппард-младшей. Она просила разрешения на встречу – капитан глянул на время – уже через тридцать минут. Капитан отбил «добро» и отправился в ванную бриться. Дочь Шеппарда он встретил возле дороги. Девчонка была одета в балахон, от которого у капитана зарябило в глазах. Кроме того, у неё, по какой-то странной моде, руки торчали из рукавов где-то в районе локтей. Когда она принималась жестикулировать, рукава болтались, и капитан никак не мог за ними уследить.

Капитан не знал, как себя вести, но Сильвия взяла инициативу на себя:

- Мама просила передать вот это. - Девчонка шмыгнула носом, и из тёплой ладошки в руку капитану перекинули кристалл и какая-то металлическая штуковина. – Она узнала, что вы здесь, и попросила меня... Ещё мама просила передать извинения за то, что не может сама приехать, а визор она не любит. Вообще-то она сейчас не в лучшей форме... А как там в космосе? Когда вырасту, я на Венеру полечу. Мы тут с классом на экскурсии...

Капитан поговорил с ней, пытаюсь подобрать нужные слова. Беззаботное детство, не желающее подолгу хранить в памяти мрачные события, рвалось на волю, и капитан вынужден был подчиниться этому напору.

- В космосе бывает по-разному, - отвечал он. - В основном - темно и пусто, и приходится очень много времени проводить в темноте и пустоте, прежде чем прибудешь в нужное место...

Проводив девочку, он вставил кристалл в визор.

Сильвия Шеппард-старшая на экране выглядела иначе, чем в жизни - а может быть, она немного изменилась за это время. В том, как она держала голову, больше не было обречённости. Была странная гордость, капитан бы сказал – независимость.

- Здравствуйте, капитан. Надеюсь, вы позволите мне так обращаться к вам - Штефан всегда вас так называл... (Капитан помнил, что она звала Стивена на свой манер). Я хотела сказать вам, что не виню никого, кроме себя. Штефан, когда улетал, всегда говорил мне, что любой миг, даже самый счастливый, для нас с ним может оказаться последним - а я не очень ему верила. Как-то забыла со временем, что он может оказаться прав. И поняла только тогда, когда он оказался прав. Человеку ведь очень трудно жить каждый день так, как будто он последний, правда? Нужно прикладывать слишком много сил... Но я теперь знаю - только так и нужно, и не надо бояться, что не будет завтрашнего дня, если сегодня ты прожила так, как будто это был последний день... Я попросила Сильвию передать вам одну вещь. Это такая штучка, которая обычно стояла у Штефана на письменном столе. Она очень ему нравилась - я думаю, ему иногда казалось, что она приносит удачу. Штефан в этот раз забыл её дома, может быть поэтому всё вышло так... Он с ума сходил по старинным вещам, все об этом знали. Капитан, я просто женщина и не знаю, во что верят мужчины. Конечно, глупо верить в талисманы, но ведь надо же во что-то верить... Я не знаю, что ещё вам сказать. Извините.

Она улыбнулась неловко, протянула руку куда-то за край экрана, и визор погас. Капитан медленно поднялся с места, прошёлся по комнате. Немного подумал и запросил на экран энциклопедию, держа в ладони металлический предмет, больше всего похожий на литую модельку древней баллистической ракеты.

Как он и предположил, предмет оказался боевым зарядом для существовавшего когда-то огнестрельного оружия. Энциклопедия дала ему исчерпывающие данные - пороховые газы выталкивали из металлического ствола металлическую же пулю, а гильза просто отбрасывалась, как отходила когда-то в сторону отработавшая своё первая ступень ракеты. Оружие казалось капитану неэффективным, к тому же изменяющим массу по мере уменьшения боекомплекта - но согревшаяся в ладони металлическая штучковина была вполне материальной и весомой, угрожающе поблёскивала тускло-жёлтым. Капитан прикинул про себя кинетическую энергию, снова взглянул на ладонь, на этот раз уважительно - и убрал талисман Шеппарда в нагрудный карман.

В Адмиралтействе всё тот же адъютант распахнул перед ним дверь кабинета. Капитан невольно коснулся нагрудного кармана, нащупав талисман: что там его ожидает?

Навстречу ему поднялся из-за стола Степанов, и капитан понял, что означала фраза Ван Стайна насчёт далеко идущих выводов. «Вывели», видимо, многих.

Степанов был в рубашке, китель без наград повесил на спинку. Усадил капитана в кресло, сам сел напротив. Капитан понял, что разговор пойдёт по-простому – с этим человеком иначе быть не могло.

- Адмирал флота Дилинджер попросил отставки по состоянию здоровья, обязанности командующего временно исполняю я. Расследование... - Степанов поморщился, подбирая слова, - инцидента показало, что ваши действия были правильными и своевременными. В чём я и не сомневался с самого начала... Группа офицеров во главе с Саровски находится под следствием. Между нами – я не догадывался, что у вас такая тяжёлая рука... Хотя и сам бы не отказался, ну да это уже другой разговор. Кое-кто тут предлагал наградить вас за спасение «Флокса», но я это дело приостановил – неловко стало, когда представил, что бы вы посоветовали им сделать с этой наградой.

- За спасение «Флокса» - в смысле за расстрел «Саламандры»? – Прищурился капитан.

- Всё, всё, хватит. – Степанов поднял вверх ладони. – Всё. Брэк. Достаточно. Адмиралтейство в моём лице просит у вас прощения за действия штабных офицеров. Я лично прошу.

- Почему у меня? Просите у погибших. У семей просите.

- Обязательно сделаю. – Кивнул Степанов. – Обещаю.

- И потом - штабные офицеры... - Брезгливо проговорил капитан. – Дмитрий, вы хоть время от времени под ковёр заглядывайте, а то у вас тут такое творится...

- Знаю, всё знаю, - Степанов насупил, потёр широкое лицо руками. – А где хороших взять? Хорошие все в космос рвутся. Вы же в Адмиралтейство не пойдёте?

- Не пойду.

- И Торнелья не пойдёт. И Дженкинс. А должность заместителя вакантна... Так что остаётся мне пока служить с... с другими. Но потихоньку мы этот факел сведём, это я вам тоже обещаю. Ну, теперь о неотложном.

Командующий встал. Капитан поднялся навстречу, опустив руки по швам.

- Приказываю принять под командование Вторую эскадру Объединённого флота Солнечной системы в полном составе во главе с флагманским кораблём «Независимый», об исполнении доложить.

Капитан подобное развитие событий предчувствовал.

- Прошу назначение отложить, эскадру передать под командование капитана второго ранга Санчеса.

Степанов набычился.

- Не понял – вы что, устав забыли? Обжаловать можете после исполнения. Отставку вашу никто принимать не собирается, даже не надейтесь. Так что забирайте обратно своих ненормальных. Пока вы загорали, они мне два контейнера рапортов напisyсали, и ваш любимый Санчес во главе. Наведёте порядок и доложите. Свободны.

Капитан понял, что сейчас лучше не спорить. Отдал честь, развернулся и зашагал к двери. Степанов сказал вдогонку:

- В предбаннике адъютант вам эти рапорта отдаст. Считайте, я их не видел. И знаете что... Не все такую встряску могут нормально пережить, какие-то изменения в экипажах всё равно произойдут. Вам там из центрального виднее, кого куда. Я мешать не буду; шлите списки, завизирую.

Эскадра лежала в дрейфе возле Фобоса – «Рузвельт» стоял на профилактике двигательной установки. Экипаж встретил капитана с тщательно скрываемым волнением. Капитан шёл по палубам, вдыхая суховатый кондиционированный воздух. Встречные подтягивались, с удовольствием отдавая честь, и капитан отвечал, чувствуя комок, подступивший к горлу. Вернуться потихоньку у него не получилось. Ещё в шлюзе, пока он благодарил оператора за мягкую стыковку, ему пришлось постараться, чтобы прибытие не превратилось в пресс-конференцию. Подоспевший Санчес разогнал флотских по местам нарочито ледяным взглядом, деловито сдал командование. Но было заметно, что он тоже рад; в морщинах пряталась улыбка.

Капитан заходил в каюты к экипажу, подолгу беседовал. Почти все из подавших рапорта охотно забрали их обратно, узнав, что капитан вернулся. О «Саламандре» старались не говорить, но капитан видел, чего это стоило экипажу. Степанов оказался прав, не все оказались готовы. По счастью, таких было совсем немного.

Привезённых с Земли сувениров на всех, естественно, не хватило, и капитан, не долго думая, решил устроить праздничный обед, благо был подходящий повод – день рождения Санчеса. Об этом капитан и зашёл поговорить с именинником.

К его удивлению, Санчес оказался одним из тех, кто не забрал рапорт. Причина оказалась весьма проста.

- Ты хоть помнишь, сколько мне стукнуло? – Санчес улыбался. – Считать не разучился?
- Вот тебе раз. – Удивился капитан. – Что, уже?
- Уже. – Подтвердил старший помощник. – Я уже законный пенсионер.
- М-м-м-да. – Капитан развёл руками. – Кажется, склероз. Это мне пора на пенсию, а не тебе.
- Склероз – болезнь молодых. Я же тебе говорил, старость – это когда уже ничего не забывается.

Капитан помолчал, собираясь с мыслями.

- И куда теперь?
- Посмотрим. – Санчес пожал плечами. – Сначала надо как следует устать от безделья. Знаешь, очень хочу устать от безделья. Давно хочу.
- Это быстро, - усмехнулся капитан. – Я пробовал.
- Вот видишь, ты пробовал, а я ещё нет. Дискриминация. Но вообще-то у тебя от этого отдыха только седины прибавилось.
- Что, заметно?
- Ещё как.

Капитан попытался представить себе центральный пост без Санчеса. Да что там центральный... А палубы? А кают-компания? А флагман вообще?

- Ладно тебе убиваться, - Санчес читал его мысли. – Люди приходят и уходят, флот остаётся. Кстати – я бы тебе посоветовал взять старпомом Чака, а то пришлют кого-нибудь...

- Не пришлют.
- Да? Это хорошо. Значит, что-то всё-таки сдвинулось с мёртвой точки.
- Сдвинулось, сдвинулось. Уж если командующий просит прощения за штабных...
- Вот как? Хотя чему тут удивляться, Степанов нормальный мужик. Я помню, как он на двух дюзах в ближний кинулся – хода нет, тяги нет, но маневровыми такое вытворял, что волосы дыбом. И прошёл ведь, да как прошёл! Шарахались от него, понимали, что если у него даже реактор кончится – зубами загрызёт... Были времена...

Санчес принялся гладить рукой бритый затылок, и капитану показалось, что старший помощник прячет глаза и как-то часто помаргивает.

- Ладно, - неловко сказал капитан, пытаясь сменить тему. – А почему Чака?
- Ну как почему, - после паузы ответил Санчес. – Потому что это место его заждалось, пока я на нём штаны просиживал. Кстати – ты знаешь, что его на «Нахимов» старпомом зовут? И не просто зовут, а готовы с руками оторвать. Грамотный офицер. Своё хозяйство содержит образцово. Пунктуальный, как все стрелки. Даже педантичный. Но, заметь – не мелочный, и попусту никого в обиду не даст. Да и пора ему второго ранга получать, засиделся... если не хочешь его в Первую отдавать. Правда, Джок от него заплачется...
- Джок, - заметил капитан. – Ещё неделю будет всё равно, я тебе точно говорю. А через неделю привыкнет, да и расслабился он у нас с тобой...

Джоку действительно было не до этого – он страдал от тяжкого переедания. Когда капитан по возвращении шагнул в свою пустую, стерильно чистую каюту, Джок уже ждал – серый собрат из шлюзовых быстро разнёс по флагману весть, что капитан вернулся. Не здороваясь, Джок приступил к делу.

- С голоду опухнешь, пока тебя дождёшься. Давай, чего у тебя там есть.
- Ничего себе, - опешил капитан. – Это что за новости?
- Ну ладно, здравствуй, здравствуй. Давай, выкладывай.
- Вот негодяй. – Капитан прошёл к настенной панели, привычно нажал несколько клавиш. – Подождёшь пять минут.
- Ну, если пять, то подожду. – Согласился Джок, уже обнюхивая багаж капитана. – Ну-ка, ну-ка... Голландский? Не может быть! Шеф, беру свои слова обратно. Готов ждать хоть час. Даже, пожалуй, два.
- Не выдержишь. – Капитан положил чемоданчик на койку, открыл. – Не выдержишь и испортишь мне чемодан. На, обжора.
- Не согласен! – Мгновенно возразил Джок, впиваясь в сыр зубами. – Категорически! Обжора – это тот, кто без разбора, а я очень даже... М-м-м...

Капитан тем временем налил себе кофе. Уселся в кресло, попутно отметив, что кофе на «Независимом», может, и не такой насыщенный, зато куда более привычный. Особенно если пить его из своей, хорошо знакомой кружки. Минут десять прошли в молчаньи, вернее – в нечленораздельных звуках, издаваемых Джоком. Потом звуки стали реже, и наконец Джок увалился на пол рядом с обгрызенной головкой сыра, выпятив неестественно раздувшийся живот. Капитан, наблюдавший за ним почти с нежностью, вздохнул:

- Видимо, спрашивать тебя о положении дел на борту бессмысленно. Вижу, что всё в порядке, раз в здоровом теле – такой здоровый дух. То есть как минимум здоровый аппетит.
- Куда уж... - Через силу произнёс Джок. – Ой, худо мне, благодетель...
- Ладно. – Капитан поднялся. – Прибери тут за собой. Или позови кого-нибудь из своих, чтобы доели.
- Ещё чего! – Джок на мгновение ожил. – Не заслужили! Нет, в общем-то, заслужили, но всё равно не отдам... Нет, ладно, отдам, но не всё...

-...и немного строгости ему не повредит. – Заключил капитан. – Ну что же, пусть будет Чак, я только за. Мы ведь с ним ещё с «Бойкого». Да и с тобой тоже... Трудно мне будет без тебя.

- Не трудно, а непривычно. – Санчес поднялся. – Да и то сначала. Прошу разрешения отбыть.

На следующий после роскошного и, увы, прощального обеда день капитан отослал списки в Адмиралтейство. Он тщательно просмотрел все личные дела. Пожалуй, впервые предоставилась такая возможность – задержавшихся на должности капитан просил перевести на корабли, где были вакансии, заодно можно было пополнить экипаж «Независимого» свежей кровью. Степанов сдержал слово – подтверждение вернулось меньше чем через час, все перестановки были одобрены. В зашифрованном дополнении командующий извещал капитана, что впредь Адмиралтейство готово также учитывать мнение личного состава о предполагаемом месте службы. Экипаж крейсера «Саламандра» представлен к наградам посмертно, семьи получают все возможные привилегии. Капитан не знал, что и думать.

Команда прощалась с теми, кто покидал флагман. Тойчев уходил замом по жизнеобеспечению на «Рузвельт», двое связистов переводились – один с повышением на сторожевик в Первую эскадру, другой – на «Флокс», где погиб его племянник. Всего в шлюзе было человек пятнадцать, ожидающих посадки на «крестик».

Санчес беседовал со старшиной гидравликов, тоже уходящим на пенсию, когда молодой лейтенант из причальной команды голосом, срывающимся от волнения, объявил:

- Капитан на палубе!

- Вольно. – Капитан подошёл к пенсионерам, осторожно поинтересовался:

- Хью, я вам не очень помешаю?

- О чём речь, сэр, - понятливый старшина улыбнулся. – Нам ещё всю дорогу до Земли трепаться, надоест до смерти.

Он подхватил чемоданчик, отошёл в сторону.

- Слушай, - обратился капитан к Санчесу. – Вряд ли мы когда-нибудь скажем друг другу всё то, что на самом деле нужно бы сказать. Но я хотел...

- Да ладно. – Санчес полез в нагрудный карман кителя, достал что-то. – Может, и не надо ничего этого говорить. Я знал, что ты придёшь. Вот, держи.

Из ладони в ладонь капитану перекинулся крупный кусок оплавленного металла.

- «Саламандра»? – догадался капитан, пристально разглядывая тёмный сплав. – Откуда?

- Ребята с «Флокса» подобрали, передали с оказией. – Санчес одёрнул китель. – Чёрт знает, как это осталось целым – шарахнули мы будь здоров. Пусть у тебя будет.

- Спасибо.

- Да не за что. Ну что, пора мне – вон уже шлюз открыли.

- Ладно, иди. Не похож ты на пенсионера, слишком весёлый.

- А ты дослужись до пенсии, я на тебя посмотрю.

- Не так уж долго мне осталось.

- Долго не долго, а дослужись.

Санчес махнул рукой, уходя в шлюзовую рукав. Капитан прощался с другими отбывающими, левой рукой приживая к бедру кусок оплавленной брони.

На верхней палубе возле лифта его встретил Чак, вчера официально вступивший в должность. На старшего помощника было глазам больно смотреть – вычищенный и выглаженный, он, казалось, испускает сияние от невидимого нимба.

- Чак, - пряча улыбку, обратился к нему капитан. – могу я обратиться к вам с личной просьбой?

- Само собой, сэр. – Старший помощник пошёл рядом, стараясь попадать в ногу.

- Мне бы хотелось, чтобы вот это, - капитан протянул старпому кусок брони «Саламандры», - висело в моей каюте. У механиков есть мастера на все руки, можно того же Майлза попросить. Было бы неплохо какую-нибудь рамку...

- Будет исполнено, сэр. – Чак бережно взял в руки обломок, и капитан увидел, что вчерашний офицер управления огнём всё понял. – Будет исполнено.

- Спасибо. Только попросите их не плести брабантские кружева. Просто скромная рамка и ничего больше, хорошо?

...случиться может всё что угодно, уж мы-то с вами помним. Стало быть, наша задача – по мере возможности предусмотреть все возможные варианты развития событий. Давайте сделаем вот что. Вонг, переключите на себя основные вычислительные мощности, пусть ваши люди посчитают все возможные варианты, сколько успеют. Чак, нам понадобится помощь энергетиков. Как только Нуорсслайнен немного остынет, мне бы хотелось знать, сколько мы можем выдать пиковой мощности. И не просто в пике, а максимально, с отключением всех потребителей, включая камбуз, кондиционеры и вспомогательные механизмы. Кроме того, я хотел бы поручить тебе ещё одну миссию. Дело несложное, но нужное, я знаю, ты справишься. Всё, за работу...

...Тамме пожал плечами, погоны встали домиком.

- Я посчитал, вот что у меня получилось.

Капитан посмотрел расчёты, прикинул что-то в уме.

- А что ещё можно обесточить?
- Обесточить можно всё, что угодно. Куда тебе такая прорва энергии?
- Да понимаешь... - Капитан заложил руки за спину, прошёлся. – Теоретически можно было бы подправить курс этому камешку, если чуть оттолкнуть его силовым полем. Я тут хотел посчитать...
- Не получится. – Безапелляционно возразил механик.
- Вот так сразу и не получится?
- Вот так сразу. – Нуорссулайнен принялся набрасывать. – Если бы мы шли с ним почти параллельно и захотели оттолкнуть его по касательной градуса на полтора... ну, на градус... ты напряжённость поля какую брал?
- Ноль восемь.
- Ого... ну хорошо, пусть будет ноль восемь. Вот смотри. Так... не знаю, как ты считал, но чтобы отдать ноль восемь на секунду, даже на полсекунды, нам пришлось бы даже свет в гальюнах погасить... Вот. Видишь?
- Вижу.
- К тому же это идеальные условия – почти параллельные курсы, одинаковая скорость. А у нас всё не так, мы заходим ему почти в лоб, стало быть, напряжённость нужно считать... вот... чуть не забыл, здесь в кубе... Вот так. И так. Столько у нас нет и никогда не будет. Даже четверти от этого не будет.
- Капитан разглядывал цифры. Цифры ему не нравились.
- Ну что же, - он привычным уже движением поднёс руку к нагрудному карману, коснулся талисмана Шеппарда. – Тогда придётся стрелять. Не хотелось, а придётся.
- Это нам с тобой может не хотеться. – Тамме улыбнулся краешками губ. – Мы уже настроились, дай бог каждому. А кому-то только дай волю, любую мишень вдрызг, и непременно главным калибром...
- Молодёжь?
- Молодёжь. А что тут сделаешь? «Военный корабль должен стрелять», и всё тут.
- Капитан присел в свободное кресло, уставился на экран с расчётами:
- Не слишком ли часто ты богов вспоминаешь?
- Да нет, - Тамме поднял погон домиком. – Мне любопытна сама концепция, что за пределами обозримой вселенной могут обитать некие сверхразумные. И легенды о том, что эти существа наблюдают за всем, что происходит, и иногда вмешиваются, но только если им это интересно.
- А что, было бы неплохо свалить на кого-нибудь из них ответственность за принятые решения.
- Не получится. – Нуорссулайнен опять улыбнулся. – Адмиралтейство не пропустит. Хотя в древности такие номера проходили запросто.
- Завидую древним. – Вздохнул капитан и поднялся. – Ладно, своими силами обойдёмся, не впервой. Слушай, если всё же придётся стрелять, не жадничай, хорошо? Кто его знает, может, действительно понадобится вся энергия. Уж очень здоровый этот камень.
- Понадобится – отдадим. – Механик развёл в стороны худые ладони. – Куда же нам деваться?

Паркер мерил шагами отведённую каюту. Мысли громоздились, цеплялись одна за другую, карабкались выше, как по дереву – а потом с грохотом рушились, уж очень неустойчивой получалась конструкция. Паркер морщился, глядя на дремлющего Венёва – хорошо всё-таки быть человеком абсолютной науки; можно счесть сторонние факты идущими вразрез основной гипотезе и на этом уснуть, как младенцу.

Над дверью замигал сигнал вызова, раздался мелодичный звон. Паркер вздрогнул. Потом, одёрнув себя, коснулся клавиш, впуская входящего. Старший помощник прошёл внутрь, садиться не стал.

- Извините, что потревожил, мистер Паркер. Через двадцать минут эсминцы «Евфрат» и «Амазонка» уходят вперёд, чтобы эвакуировать вашу станцию. Не хотите поучаствовать? Времени на эвакуацию будет в обрез, ваши знания пригодились бы. Всё вывезти мы не сможем, хотелось бы забрать самое ценное.

- То есть как - эвакуация? – Паркер вскипел. – Ваше начальство заверило нас, что мы можем получить помощь, а не просто вывезти людей и материал! Если бы мы знали, обошлись бы своими силами...

- Мистер Паркер. – Перебил его Чак. – Вам прекрасно известны масштабы происходящего. И возможные последствия - тоже. Я не ошибаюсь?

Паркер нехотя согласился.

- Мы ставим своей целью сохранить станцию, - продолжал старпом. – Но нам хотелось бы быть уверенными в том, что в тылу у нас не останется слабых мест. Вы готовы помочь или нет?

Паркер кивнул, тем не менее чувствуя, что его загнали в угол. Сейчас эти добродетели в погонах примут на борт людей, отойдут подальше и отрапортуют, что всё возможное сделано. А чего ещё от них ожидать? Если бы он знал, что так выйдет...

- Ну и хорошо. – Старший помощник замолчал, глянув на перевернувшегося с боку на бок Венёва, потом продолжил гораздо тише, почти шёпотом:

- На всё отводится час. Надо постараться успеть.

- Но, офицер, - попробовал возразить Паркер. – Не получится успеть за час, на станции образцы бурения, лабораторное оборудование, а энергии нет – стало быть, ничего не работает; всё придётся таскать вручную, а там не роботы, там живые люди, в конце концов...

- Именно потому, что живые люди, - сказал Чак, внимательно глядя Паркеру в глаза. - Немедленно эвакуировать всех. Вас ждут в шлюзе, челнок на «Евфрат» через десять минут. Пожалуйста, не опаздывайте.

В малой навигационной капитан рассматривал проекции возможных вариантов, которые дали ему навигаторы. Время расчётов прошло, осталось время действовать – ходу до станции осталось всего ничего. Команды эсминцев провели эвакуацию в рекордно короткие сроки, обозлённый Паркер вернулся на флагман. Его не удалось успокоить даже тем, что в центральном посту ему выделили место за пультом связистов – в нарушение всех правил.

Капитан дошёл до диспозиции, предложенной Вальмье, отметил про себя – не бесспорно, конечно, но

остроумно, где-то даже изящно. Хотя в теперешнем случае всё складывается слишком просто, чтобы можно было по-настоящему оценить навигатора. В тире каждый может красиво расположиться, надо бы посмотреть парня в маневре. Там иногда всё так переплетается, что и бывалые теряют в проекции корабли...

Сбоку послышался осторожный шорох.

- Чего тебе? – Не оборачиваясь, произнёс капитан. - Ещё раз ботинком захотел? Учти, эту проделку я тебе надолго запомню.

- Шеф, - вкрадчиво заговорил из угла Джок. – Ладно тебе. Ну, виноват... А ты точно хочешь его весь разнести?

- Хочу – не хочу, а придётся. – Капитан поставил кружку с кофе, повернулся. – И не разнести, а сжечь так, чтоб обломков не осталось. А что?

- Да не знаю, - Джок помялся. – Не знаю я... Может, оставим кусочек? Тебе что, жалко, что ли?

- Жалко. – Жёстко сказал капитан. – Мне людей жалко.

- Знаешь, - Джок зашевелился, поправил ошейник. - Мне почему-то кажется, что если мы сожжём его весь, то будем жалеть... Не хочешь – не верь, я же не прошу... Но ведь интересно посмотреть, что у него внутри, а?

Астероид казался умиротворённым и неподвижным. Он даже не вращался. Но это была только иллюзия – по краю экрана бежали данные, которые неопровержимо свидетельствовали – движется, движется потихоньку, но уверенно. Паркер застыл за монитором, Венёв нервно потирал руки, поглядывая на капитана.

Навигаторы сработали неплохо – подвели флагман сбоку к исследовательской станции, и плавно, очень плавно затормозили. Теперь эскадра вращалась вместе со станцией по одной орбите. Флагман повис в пространстве, едва-едва подрабатывая маневровыми двигателями – слабенькие гравитационные поля нужно было уравнивать.

На случай разлёта осколков выше и ниже плоскости эклиптики разместились тяжёлые корабли, готовые поддержать флагман огнём. Корабли поддержки отвели в плоскости вглубь системы. Три сторожевика встали над станцией, растянули между собой тоненькую плёночку силового поля. Конечно, напряжённость была такова, что от мало-мальски серьёзных обломков поле бы не спасло, но такой задачи и не было. Энергетики застыли у пультов, готовые немедленно перебросить максимум питания на двигатели - на случай, если придётся уходить.

Экипажи работали с удовольствием – всё-таки это был не исхоженный вдоль и поперёк полигон, а настоящее живое дело.

Капитан придиричиво осмотрел расстановку, ещё раз запросил данные о векторах.

- Ну что же, доктор, - окликнул он насупленного Паркера, – давайте уберём этот камешек. Экипажам – готовность три минуты. «Независимому» - главный калибр к бою.

Готовность можно было не объявлять – всё и так было давно готово. Капитан дождался, пока старший помощник и главный механик снимут свои блокировки, но свою панель откидывать не спешил. Повернулся, окидывая взглядом центральный пост. Запустил в нагрудный карман руку, нащупал остроконечную пулю, доставшуюся в наследство от Шеппарда, почувствовал тепло – кусочек металла нагрелся на теле.

- Торопов.

- Я. – Отозвался офицер управления огнём.

- Посчитайте-ка вариант поражения не на всю катушку, а процентов на восемьдесят, и давайте сместим точку прицела выше и левее.

Чак, придиричиво наблюдавший за действиями преемника, вывел результаты расчётов к себе на пульт, кивнул капитану одобрительно. Торопов доложил:

- Готово.

- Хорошо. «Независимый» - «Лефорту»: в вашу сторону с большой вероятностью пойдёт крупный обломок. Пока будет возможность, воздержитесь от залпа, отойдите выше на ноль пять. Но без лишнего риска, как поняли?

- Есть. – Коротко отозвался наушник.

- Экипажам - готовность тридцать секунд. Навигаторы?

- Готовы.

Секунды не спеша утекали в прошлое.

- Главным калибром огонь.

Флагман дрогнул. Замерли люди, затаились корабельные жители. Палубой выше Володин, уставившись в свой пульт, понял, что имел в виду механик, когда говорил про апокалипсис. Одно дело – знать процесс теоретически, в мегаджоулях и гигаваттах, и совсем другое – увидеть вот так, воочию, свежезажжённую звезду. Старлей вдруг подумал, что рановато капитан перестал обращаться к нему «сынок»...

Из ослепительного облака выскользнул крупный оплавленный обломок, уходя ниже эклиптики. «Лефорту», не сводя с него стволов, отошёл, как и было оговорено. Необъяснимый расчёт капитана оказался верен – через секунду по скале побежали трещины, и медленно, беззвучно обломки разошлись в стороны, освободив из каменного плена до невозможности странный объект.

- Вот ведь негодяй хвостатый, - вполголоса сказал капитан и включил наушник. – «Независимый» - «Лефорту»: работайте по крупным обломкам. «Независимый» - «Рузвельту». Радж, давай «Валькирии», пусть почистят у тебя, только осторожно... Видишь ту штуку? Не трогай её пока...

Выдержав паузу, из шлюзов «Рузвельта» посыпались прятавшиеся до поры до времени «Валькирии», короткими вспышками носовых орудий вычищая пространство от каменного крошева. Они держались на безопасном удалении от эпицентра, в сектора обстрела тяжёлых кораблей не совались. Несколько крупных обломков достались на мишени «Лефорту», и он их поразил почти все. То ли вкралась ошибка, то ли обломки столкнулись между собой – а один из выстрелов «Лефорта» только опалил край кувыркающегося камня. Эсминец, прикрывающий подбрюшье тяжёлого крейсера, тут же записал мишень на свой счёт.

- Вот тебе раз, - вполголоса заметил кто-то из навигаторов. – Ну, гореть теперь «Лефорту» со стыда и угощать стрелков с «Евфрата»...

Станция осталась в неприкосновенности. Капитан видел на своём пульте, что напряжённость поля,

растянутого сторожевиками, почти не изменилась – несколько крохотных кусочков, всё-таки долетевших, можно было не считать.

А посреди медленно расхोдившихся осколков в секторе «Рузвельта» неподвижно висела странная, чужая штукавина. Другого определения капитан подобрать не мог. Он посмотрел на офицера управления огнём – Торопов только кивнул, не отрывая от неё глаз и перекрестя прицела. «Рузвельт» отозвал истребители, чтобы кто-нибудь из пилотов не сунулся посмотреть поближе – благо посмотреть было на что.

Тёмная, графитового оттенка ажурная сфера с ветвистым отростком, на конце ярко-зелёным, словно светящимся изнутри. Размером чуть больше челнока. Паркер прилип к монитору, вытянул руку к самому экрану, почти касаясь его – он боялся ошибиться, боялся, что изображение пропадёт, оставив тёмную пустоту с вкраплениями звёзд. Но объект не пропадал, он находился в зоне досягаемости датчиков флагмана, реальный и осязаемый. Повисший смирно, неподвижный по отношению к станции. По краю экрана пошли строки с данными – удаление, величина, температура на поверхности, радиационный фон. Приборы видели объект, и видели люди, прильнувшие к экранам. Вот зелёное кружево чуть потускнело, и по нему быстрой волной пробежала рябь, как будто разошлись волны от брошенного в воду камня. Через полсекунды оно вновь засияло ровным светом, и капитан моргнул, решив, что ему показалось. Пискнул сигнал вызова. Закрытый радиоканал в наушнике капитана ожил.

- «Рузвельт» - «Независимому». Шеф, вы видите то же, что и мы?

- Ага. - Голос капитана прозвучал непривычно тихо, и старпом впервые услышал, что капитан, кажется, волнуется.

- Видимо, то же самое, что и вы, Радж. Держим на прицеле на всякий случай. Дай нам пару минут осмотреться, ладно?

- Ну да. - Невпопад, совсем не по-военному ответил командир «Рузвельта» и отключился.

- Мистер Паркер, - капитан повернулся к ксеноархеологу. - Вы случайно не это искали? Тогда, боюсь, вы копали не там.

Паркер медленно повернул голову. На лице у него застыло выражение человека, который до смерти боится проснуться.

- Я уж и не знаю, что мы искали, капитан. Но и это тоже неплохо...

Кто-то прыснул за пультами энергетиков, и центральный пост ожил и зашевелился. У старпома пошли радужные круги перед глазами – оказывается, всё это время он сидел, набрав полную грудь воздуха, и теперь наконец выдохнул.

За вентиляционной решёткой, находившейся на уровне пола прямо перед пультом навигаторов, Джок ткнул в бок приятеля – тощего, с опалёнными с одной стороны усами.

- Видел? Теперь мы с тобой тоже попали в историю... Ладно, пошли.

Тот поднял морду и вопросительно пискнул. Джок посмотрел тоскливо – с какой серостью приходится работать, с ума сойти.

- То есть как куда? На камбуз, идиот. Команде теперь без нас забот хватит, а на Венеру мы точно не скоро попадём.